9
Ь789Ь
...ление местных организаций
1943 г.
Получилъ 20-го октября 1900 года.
1941 г.
БИБЛІОТЕКА ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА Самар. Губ. Земства.

ВОСПОМИНАНІЯ

К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

(до 1860 года)

ИЗДАНЫ

АКАДЕМИКОМЪ **Л. Н. Майковымъ**

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1900

67896
8023

67896

В. И. ЛЕНИН

БЫЛ САМЫМ АККУРАТНЫМ

ЧИТАТЕЛЕМ
БИБЛИОТЕКИ

Владимир Ильич, разумеется, не считал предосудительным или ниже своего достоинства быть одним из самых аккуратных абонентов библиотеки имени Г. А. Куклина. Он вполне одобрял и ценил заведенные нами „строгие" порядки, обеспечивающие правильный кругооборот книг и целость редкостных экземпляров и архивных материалов. Владимир Ильич НЕ „ЗАЧИТАЛ" НИ ОДНОЙ КНИГИ и всегда уплачивал за чтение по тарифу.

Из воспоминаний тов. Карпинского „Записки Института ЛЕНИНА" т. II, стр. 97.

Издание Куйбышевской областной библиотеки

ЕО 13578 Зак. 50 тир. 50000. Тип. КуАИ

Инв № 1793.
92:9
Р1-12
№ 664
1941 г.
1948 г.
БИБЛІОТЕКА
ПЕДАГОГИЧЕСКАГО ИНСТИТУТА
Самар. Губернскаго
КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ
П. К. СИМОНИ.

ВОСПОМИНАНІЯ

К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА

(до 1860 года)

ИЗДАНЫ

академикомъ **Л. Н. Майковымъ**

НАУЧНАЯ
№ 67896

САНКТПЕТЕРБУРГЪ
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ
Вас. Остр., 9 лин., № 12
1900

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Мартъ 1900 г. Непремѣнный секретарь, Академикъ *Н. Дубровинъ.*

Отдѣльный оттискъ изъ LXVII тома Сборника Отдѣленія русскаго языка и словесности Императорской Академіи Наукъ.

ВОСПОМИНАНІЯ К. Н. БЕСТУЖЕВА-РЮМИНА.

„Воспоминанія“ К. Н. Бестужева-Рюмина обязательно доставлены во Второе Отдѣленіе Академіи наукъ для напечатанія почтенною вдовою покойнаго академика Елизаветою Васильевною Бестужевой-Рюминой. Они не составляютъ полной автобіографіи Константина Николаевича и доведены только до 1860 года, то-есть, до его переселенія въ Петербургъ, гдѣ прошла бо̀льшая часть его ученой дѣятельности, и гдѣ онъ скончался 2-го января 1897 года. За то, за время молодости „Воспоминанія“ покойнаго нашего сочлена отличаются обиліемъ фактовъ и могутъ служить драгоцѣннымъ источникомъ для составленія его жизнеописанія.

„Воспоминанія“ были написаны Константиномъ Николаевичемъ во второй половинѣ восьмидесятыхъ годовъ; но впослѣдствіи онъ дополнялъ ихъ вставками, которыя иногда указываютъ на факты болѣе поздняго времени. Какъ извѣстно, Бестужевъ-Рюминъ имѣлъ привычку писать чрезвычайно сжато, не входя въ подробности и ограничиваясь одними намеками. Этотъ пріемъ изложе-

нія доведенъ имъ въ „Воспоминаніяхъ“ до нѣкоторой крайности. Чтобъ устранить неудобства такой недосказанности, мы позволили себѣ снабдить печатаемую автобіографію примѣчаніями, матеріаломъ для которыхъ послужили нѣкоторыя статьи самого же Константина Николаевича и наши собственныя воспоминанія изъ бесѣдъ съ нимъ [1]).

Л. Майковъ.

---

1) Тѣ изъ подстрочныхъ примѣчаній, которыя обозначены звѣздочками, принадлежатъ автору «Воспоминаній», а остальныя, отмѣченныя цифрами, составлены нами.

ВОСПОМИНАНІЯ.

По семейному преданію, подкрѣпленному грамотою, выданною въ 1698 году отъ герольда герцогства Кентскаго, родъ нашъ происходитъ изъ Англіи, откуда выѣхалъ въ 1409 году Гавріилъ Бестъ (не забудемъ, что герцогъ Ланкастеръ — Генрихъ IV — въ девятидесятыхъ годахъ XIV вѣка былъ въ Пруссіи). Наша линія отдѣлилась отъ другихъ въ XVI вѣкѣ. Предокъ нашъ Ѳеофанъ Глазатый былъ братомъ Даніила Краснаго, предка графской линіи. Дальнѣйшая судьба рода видна изъ Выписокъ изъ Разряда, составленныхъ для графа Алексѣя Петровича [1]). При Петрѣ Великомъ жилъ мой прапрадѣдъ Дмитрій Андреевичъ. Онъ началъ службу при дворѣ Іоанна Алексѣевича стольникомъ вмѣстѣ съ Петромъ Михайловичемъ, будущимъ графомъ. Въ 1713 году ѣздилъ онъ въ Турцію гонцомъ и привезъ ратификацію Прутскаго мира; за это Петръ пожаловалъ ему свой портретъ, который впослѣдствіи, купленный у нашихъ родственниковъ Мартыновыхъ Государемъ Цесаревичемъ Александромъ Александровичемъ, былъ пожалованъ имъ мнѣ. Въ концѣ своей жизни Дмитрій Андреевичъ служилъ воеводою въ Калугѣ и попался подъ судъ. Женатъ онъ былъ на княжнѣ Маріи Семеновнѣ Солнцевой, сестра которой была за княземъ Михаиломъ Ѳеодоровичемъ Щербатовымъ, Архангельскимъ гу-

1) У Константина Николаевича хранился экземпляръ этихъ Выписокъ, присланный его прадѣду графомъ А. П. Бестужевымъ-Рюминымъ.

бернаторомъ, отцемъ историка, а племянница—за Сухово-Кобылинымъ, прадѣдомъ графини Е. В. Сальясъ. Процессъ сестеръ противъ племянницы можно найти въ Полномъ Собраніи Законовъ. О Маріи Семеновнѣ сохранилось такое преданіе: Когда она жила у сына своего Петра Дмитріевича, который былъ генералъ (чуть ли не аншефъ), его собиралась удостоить посѣщеніемъ императрица Елизавета Петровна. Старуха получила изъ деревни свиныя туши и разставила ихъ въ сѣняхъ. Напрасно сынъ просилъ убрать ихъ; она стояла на своемъ: «Не ко мнѣ будетъ императрица, а къ тебѣ». Такъ и не убрала.

Одинъ изъ трехъ сыновей Дмитрія Андреевича, Николай Дмитріевичъ, мой прадѣдъ, былъ сначала въ военной службѣ, а потомъ жилъ и умеръ въ своихъ калужскихъ вотчинахъ. По его смерти обѣднѣвшая, по случаю, вѣроятно, расточительности, жена его Пелагея Ивановна (урожденная Свѣчина) переѣхала въ нижегородскую свою деревню, весьма незначительную, съ сыновьями своими Павломъ и Дмитріемъ. Изъ дочерей ея одна была за мужемъ за Поскочинымъ. Дочь ея Марію Степановну Мартынову я зналъ лично. О той или другой изъ ея дочерей сохранилось преданіе, что, никогда не бывавъ въ Нижегородской сторонѣ, она видѣла во снѣ Вознесенскій монастырь, и узнавъ, что онъ существуетъ, пожелала быть тамъ погребенною, что̀ и исполнили [1]). По разсказу моей няньки, прабабушка жила сначала въ «лубяномъ домикѣ».

Дѣдъ мой Павелъ Николаевичъ былъ сначала въ военной службѣ, какъ и всѣ тогда; потомъ вышелъ въ отставку. Въ 1788 году онъ женился на Екатеринѣ Васильевнѣ Грушецкой, мать которой овдовѣвъ вышла въ 1787 году за князя Ивана Ѳедоровича Голицына, бывшаго генералъ-адъютантомъ Петра III и все царствованіе Екатерины прожившаго въ своей подмосковной Даниловскомъ (Дмитровскаго уѣзда). Князь Голицынъ одѣлилъ всѣхъ

---

1) Тутъ разумѣется Высокогорская Вознесенская пустынь, мужская, въ 4-хъ верстахъ отъ Арзамаса.

своихъ падчерицъ и пасынковъ; Екатеринѣ Васильевнѣ далъ онъ имѣніе въ Семеновскомъ уѣздѣ. На ея деньги, и частью на то, что̀ онъ получалъ отъ откупщика, давая ему «залоги», то-есть, представляя въ залогъ свое имущество, дѣдъ прикупилъ часть Кудрешекъ (деревня, гдѣ жила еще прабабка) и Лобаново, крестьянъ котораго перевезъ въ Кудрешки. При открытіи намѣстничества онъ былъ городничимъ въ Горбатовѣ изъ пріязни къ намѣстнику Бахметеву (городничіе тогда замѣнили воеводъ). Въ 1818 году онъ переѣхалъ въ купленную имъ подмосковную (около Воскресенска) и въ 1826 скончался въ Москвѣ. Разсердясь на двухъ оставшихся сыновей (Иванъ Павловичъ, р. 1789 † 1866, поскучалъ съ нимъ жить, а отецъ тогда женился на двоюродной сестрѣ и не могъ остаться въ Москвѣ), Павелъ Николаевичъ оставилъ подмосковную племянницѣ своей Маріи Степановнѣ Мартыновой. Третій его сынъ Александръ Павловичъ умеръ въ 20-хъ годахъ. Онъ, говорятъ, былъ человѣкъ слабоумный и распущенный, въ родѣ дяди своего Дмитрія Николаевича, котораго я помню слабоумнымъ старикомъ, растратившимъ все, что̀ у него было, жившимъ съ какою-то солдаткою на то, что̀ ему давали племянники. Онъ умеръ у насъ въ домѣ въ 1834 году (если не ошибаюсь). Четвертый сынъ дѣда Владиміръ Павловичъ убитъ подъ Фридландомъ. Пятый Михаилъ Павловичъ служилъ сначала въ кавалергардахъ, потомъ въ Семеновскомъ полку; переведенный въ Московскій полкъ вмѣстѣ съ С. И. Муравьевымъ-Апостоломъ, который очень его любилъ (бабушка не задолго до смерти всѣмъ хвалилась письмами Муравьева), онъ принялъ участіе въ заговорѣ и былъ казненъ 13-го іюля 1826 года.

Отецъ мой Николай Павловичъ (р. 1790 † 1848) воспитывался въ Университетскомъ благородномъ пансіонѣ, о которомъ сохранилъ пріятное воспоминаніе: я помню его похвалы Баккаревичу, бывшему, кажется, у нихъ инспекторомъ [1]); если онъ не

---

1) Михаилъ Никитичъ Баккаревичъ, родившійся въ 1770-хъ годахъ, былъ питомцемъ Московскаго университета и затѣмъ дѣйствительно состоялъ

засталъ Жуковскаго въ пансіонѣ, то засталъ воспоминаніе о немъ. Въ пансіонѣ впрочемъ онъ курса не кончилъ. Одно время жилъ онъ въ домѣ генеалога Матвѣя Спиридова, зятя историка Щербатова. Отсюда онъ вынесъ любовь къ русской исторіи, которую старался воспитать во мнѣ, и аристократическія понятія. Записанный на службу еще съ колыбели и принужденный выйти въ отставку указомъ Павла о недорослѣхъ, онъ въ дѣйствительную службу поступилъ въ 1806 году, былъ раненъ подъ Фридландомъ и раненый лежалъ въ Ригѣ; вѣроятно, здѣсь видѣлъ онъ Батюшкова, о знакомствѣ съ которымъ я слыхалъ отъ него. Въ эту войну, вѣроятно, зналъ онъ и кавалериста-дѣвицу; разсказъ его о томъ, что она бѣжала съ офицеромъ, теперь подтверждается [1]). Въ 1809 году женился онъ противъ воли отца на своей двоюродной теткѣ Евдокіи Петровнѣ Свѣчиной. Недовольный отецъ жаловался цесаревичу, который оставилъ жалобу безъ послѣдствія. Вотъ отчего меня назвали Константиномъ. Бракъ былъ несчастливъ, и послѣ родовъ дочери Екатерины, которая скоро умерла, супруги разошлись. Евдокія Петровна недолго пережила этотъ разрывъ. Гдѣ былъ отецъ въ 1812 году— не знаю: объ этомъ онъ никогда не разсказывалъ; помню только, что, читая со мною Миллота [2]), отецъ плакалъ, когда дошелъ до

инспекторомъ благороднаго пансіона до 1804 года; послѣ того служилъ въ Петербургѣ по административной части; умеръ въ 1820 году; по отзыву современниковъ, отличался блестящими способностями. Ему принадлежитъ нѣсколько литературныхъ и частію ученыхъ трудовъ.

1) Кавалеристъ-дѣвица—извѣстная Надежда Александровна Дурова; свѣдѣнія объ ея бѣгствѣ изъ родительскаго дома и о выходѣ ея за мужъ вопреки волѣ отца см. въ *Русскомъ Архивѣ* 1872 года, ст. 200 и 2043, и въ *Кіевской Старинѣ* 1886 г., февраль, стр. 397—399. Но въ войнѣ 1807 г. Дурова не участвовала, такъ какъ опредѣлилась въ военную службу только въ 1808 году.

2) Извѣстный историческій писатель XVIII вѣка, аббатъ Миллотъ (Cl.-Fr.-X. Millot, 1726—1785), сочиненія котораго по всеобщей исторіи, древней и новой, были усердно переводимы въ Россіи и печатались съ 1780-хъ годовъ до половины двадцатыхъ годовъ текущаго вѣка. Позднѣйшія изданія русскихъ переводовъ заключали въ себѣ и продолженіе его труда, доведенное до 1815 года; при разсказѣ о событіяхъ 1812 года въ это продолженіе былъ включенъ и Шишковскій манифестъ о войнѣ Россіи съ Франціей.

Шишковскаго манифеста. Чинъ отца побудилъ его оставить гвардію, гдѣ онъ служилъ въ Семеновскомъ полку, и перейти въ армію (полкъ мнѣ не извѣстенъ: формуляръ его погибъ въ Перми). При отставкѣ онъ былъ капитаномъ и этотъ чинъ сохранилъ на всю жизнь. Онъ служилъ послѣ въ Бессарабіи почтмейстеромъ, гдѣ, вздумавъ самъ объѣзжать лошадей для проѣзда Государя, онъ сломалъ себѣ раненую ногу; пьяный костоправъ вставилъ невѣрно, что̀ отзывалось всю жизнь. Послѣ служилъ онъ въ Перми, а прежде еще, кажется, въ Рязани. Совсѣмъ оставивъ службу, онъ женился въ 1826 году на Вѣрѣ Николаевнѣ Поливановой, двоюродной его сестрѣ (ихъ матери были сестры). Дѣдъ мой былъ недоволенъ этимъ бракомъ, но не протестовалъ, хотя и былъ человѣкъ жесткій. Женившись отецъ мой поселился въ горбатовской деревнѣ Кудрешкахъ, въ большомъ каменномъ двухэтажномъ домѣ, который впослѣдствіи самъ сломалъ. Здѣсь онъ прожилъ почти безвыѣздно до 1843 года, когда начавшаяся болѣзненность заставила его переѣхать въ Нижній. Онъ жилъ довольно уединенно: изъ сосѣдей особенно близкую связь сохранялъ съ Н. В. Шереметевымъ, бывшимъ сначала почетнымъ попечителемъ гимназіи, а потомъ губернскимъ предводителемъ *).

Во время деревенской жизни и въ Нижнемъ у отца было немного близкихъ людей; самымъ близкимъ былъ М. М. Аверкіевъ (любитель музыки, умный и охотникъ читать). По переѣздѣ въ городъ отецъ уже скучалъ безъ людей, и каждый вечеръ къ нему заходилъ кто-нибудь, и хотя онъ рѣдко выѣзжалъ, но былъ въ хорошихъ отношеніяхъ почти со всѣми выдающимися лицами. Въ деревнѣ хозяйствомъ онъ не занимался, только ежедневно

---

*) Этотъ необыкновенно добрый и милый человѣкъ оставилъ по себѣ во всѣхъ знавшихъ его чрезвычайно пріятную память. Онъ былъ хорошо образованъ, много читалъ, и у него были въ библіотекѣ не только романы: я бралъ у него Тьера и Луи Блана. Скончался онъ въ 1849 году; портретъ его у меня сохраняется; есть и нѣсколько писемъ къ отцу; онъ свободно писалъ по русски— рѣдкость въ его время.

выслушивалъ доклады старосты. Главною страстью его была оранжерея, на которую тратилось чрезвычайно много, болѣе, чѣмъ дозволяли доходы; работы въ оранжереѣ обременяли дворовыхъ (которыхъ было 50 душъ при 200 душъ крестьянъ) и отчасти крестьянъ, которымъ жилось вообще сносно: избы у нихъ были всегда довольно порядочныя; оброчные платили оброкъ, установленный еще дѣдомъ; наказаніе крестьянъ было рѣдкимъ случаемъ; дворовые же (мужчины и женщины), особенно тѣ, которые служили въ комнатѣ, подвергались ему часто — по раздражительности отца, а особенно матери, которая была женщина самовластная; отецъ былъ раздражителенъ, но съ тѣмъ вмѣстѣ способенъ долго сохранять гнѣвъ: онъ не мстилъ, но просто не обращалъ вниманія на того, кто разъ сильно его раздражилъ. Такъ, я не помню, чтобъ онъ хоть разъ говорилъ съ нянею моей матери, жившею въ домѣ экономкой; онъ оставилъ ее жить, но съ нею не говорилъ. Изъ дѣтей онъ иныхъ любилъ очень (напримѣръ, меня и нѣкоторыхъ сестеръ), другихъ только терпѣлъ, а иныхъ и не допускалъ до себя. Иногда онъ по цѣлымъ недѣлямъ сидѣлъ съ трубкою въ халатѣ, раскладывалъ пасьянсъ и ни съ кѣмъ не говорилъ. Смерть малолѣтней сестры Маріи (род. 1831, † 1832) побудила его заложить двери той комнаты, гдѣ она жила, сжечь всѣ ея вещи и едва ли не была главною причиною сломки дома и передѣлки въ домъ флигель, въ которомъ мы впослѣдствіи и жили. Отецъ вообще любилъ строиться. Другою его страстью было собираніе книгъ. Онъ оставилъ мнѣ значительную библіотеку, исключительно русскую. По французски онъ зналъ, какъ всѣ люди его времени (дядя Иванъ Павловичъ писалъ по французски свой путевой журналъ; дядя Михаилъ Павловичъ велъ всю свою переписку по французски; у меня сохраняются его письма къ Мартынову по тому случаю, что отецъ мѣшалъ его браку, съ кѣмъ — не знаю; говорятъ, что ему трудно было по русски давать отвѣты даже въ слѣдственной коммиссіи). Зная хорошо французскій языкъ, отецъ дѣлалъ видъ, что совсѣмъ его не знаетъ. Мать разсказывала, что въ первый годъ ея замужней

КНИГИ ИЗ СОБРАНІЯ Б. К. СИМОНИ.

жизни онъ разъ обѣдалъ у Е. И. Бибиковой (сестры С. И. Муравьева-Апостола), жены Нижегородскаго губернатора; за этимъ обѣдомъ отецъ потѣшался тѣмъ, что заставлялъ переводить для себя всѣ французскіе разговоры.

Читалъ онъ обыкновенно ночью (днемъ читалъ только *Московскія Вѣдомости* и *Русскій Инвалидъ*, которые доставлялись въ деревню разъ въ недѣлю съ нарочнымъ, ѣздившимъ въ Нижній). Читалъ онъ главнымъ образомъ романы и театральныя піесы: его большое собраніе театральныхъ піесъ я пожертвовалъ въ Публичную Библіотеку; всѣ они переплетены подъ заглавіемъ: «Театръ». Участіе его въ моемъ воспитаніи сказалось въ томъ, что онъ читалъ со мною «Исторію» Карамзина, которую всю прочелъ два раза (въ первый разъ — когда мнѣ было лѣтъ семь, и я еще не понималъ хорошенько), и Миллота. Этимъ онъ развилъ во мнѣ любовь къ серьезному чтенію. Отираляясь въ оранжерею или фруктовый садъ (сада въ настоящемъ смыслѣ не было: насажены были рощицы, начато продолженіе пруда съ островомъ, но и это было не окончено, и дорожекъ не было проведено), онъ разговаривалъ со мною и иногда кос-что разсказывалъ. Помню, разъ я досталъ у сельскаго священника Евангеліе на славянскомъ и русскомъ языкѣ, — тогда это была библіографическая рѣдкость; отецъ по этому поводу сталъ говорить о Христѣ съ благоговѣніемъ, которое и мнѣ сообщилось. Въ религіи онъ отвергалъ всякую обрядность, но никогда не засыпалъ не перекрестясь; вообще въ этомъ вопросѣ онъ стоялъ на общехристіанствѣ, которое такъ распространено было въ образованныхъ людяхъ его поколѣнія, слѣдовавшаго за вольтеріанцами и масонами XVIII вѣка. Онъ старался не быть ни тѣмъ, ни другимъ; а о православіи думали немногіе, даже тѣ, которые внѣшне держались его обрядовъ.

Я родился въ 1829 году. Первыя мои воспоминанія смутны: помню нѣкоторыя комнаты стараго дома, особенно одну, которая

была разгорожена перегородкою; надъ заднею половиною былъ сдѣланъ потолокъ, на потолкѣ антресоли съ балюстрадою, на антресоли вела лѣстница. На антресоляхъ помѣщался братъ Петръ (р. 1832 † 1834) съ кормилицею; внизу подъ антресолями отецъ съ матерью и я; помню, какъ къ моей кроваткѣ подходитъ молодая дѣвушка въ черномъ платьѣ и беретъ меня на руки, — то была М. Е. Бибкина, впослѣдствіи Рубинская, мать Е. А. Мельниковой, сынъ которой въ 1889 году женился на моей племянницѣ. Это было въ 1833 году. Въ томъ же году, въ концѣ, я началъ учиться грамотѣ по старинной методѣ: азъ, буки и т. д. со складами. Заставляли меня учиться иногда очень усердно. Такъ помню, разъ пришелъ разнощикъ — событіе въ деревенской жизни, но мнѣ не позволили подойти къ нему; а иногда совсѣмъ забывали объ ученіи. Только осенью 1834 года я началъ читать. Въ 1834 году мы перешли въ новый домъ; здѣсь умеръ братъ Петръ и родился Валеріанъ. Зиму мы провели въ Нижнемъ, въ домѣ теперь Лика; дому этому принадлежало мѣсто, сходившее до рѣки: набережной тогда еще не было. Отсюда привезли гувернантку Марію Васильевну, которая прожила у насъ не долго, до осени 1835 года, когда родился братъ Василій. У нея я началъ учиться по нѣмецки. Когда началъ учиться по французски — не помню, должно быть — тогда же. Въ 1836 году мы ѣздили съ матерью къ дѣду Николаю Петровичу Поливанову въ Москву и его (вмѣстѣ съ матерью) деревеньку въ Дмитровскомъ уѣздѣ. У дяди былъ свой домикъ въ Москвѣ (на Прѣснѣ), въ которомъ помню картину, изображающую смерть Потемкина въ степи, а въ деревнѣ онъ жилъ въ избушкѣ, гдѣ часы узнавались по тому, когда солнце перейдетъ на сундукъ. Дѣдъ былъ человѣкъ остроумный, но къ сожалѣнію, любилъ выпить и надѣлалъ долговъ. Раздѣлъ съ сыномъ, женившимся на Норовой, сестрѣ Абрама Сергѣевича, а также его долги, заставили дѣда продать родовое Поливановское имѣніе въ Покровскомъ уѣздѣ. Его несчастная страсть отдалила его отъ братьевъ, изъ которыхъ одинъ былъ сенаторомъ въ Москвѣ; дочь этого брата

(Варвара Ивановна маркиза Кампанари) говорила мнѣ, что она мало знала этого дядю, хотя онъ постоянно жилъ въ Москвѣ. По дорогѣ изъ Москвы мы заѣзжали въ Покровскомъ уѣздѣ къ двоюродному дяди матери Александру Константиновичу Поливанову. Помню, какъ меня заняли окаменѣлости, которыя показывалъ мнѣ сынъ его Николай Александровичъ, тогда учившійся въ Горномъ корпусѣ. Весну 1837 года мы провели въ Нижнемъ. Я тогда въ первый разъ исповѣдывался. Жили мы въ Удѣльной конторѣ, гдѣ управляющимъ былъ дядя Иванъ Павловичъ. У него же остановился Катенинъ, пріѣхавшій къ рекрутскому набору (впослѣдствіи Оренбургскій генералъ-губернаторъ). Онъ сообщилъ о смерти Пушкина и стихи на его смерть, не извѣстно чьи[1]). Онъ же привезъ сказку Чернышева: «Русскій царь и царь Нѣмецкій»[2]). Въ это же

---

1) Эти стихи Константинъ Николаевичъ зналъ наизусть и не разъ читалъ мнѣ; впослѣдствіи текстъ ихъ, также безъ подписи, писанный на бумагѣ Петергофской фабрики временъ императора Николая I, былъ сообщенъ мнѣ П. Я. Дашковымъ, и я считаю умѣстнымъ помѣстить его здѣсь, такъ какъ до сихъ поръ не встрѣчалъ его въ печати:

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она.

Вотъ пѣсни звучной и свободной
Умолкъ пѣвецъ,
Не свянетъ въ памяти народной
Его вѣнецъ.

Не смолкнетъ голосъ вдохновенный
Во гробѣ съ нимъ;
Онъ повторится, какъ священный
Народный гимнъ.

И въ дальни годы донесется
Его напѣвъ,
И сердце юноши забьется,
И русскихъ дѣвъ.

И скорбь, и смерть его вспомянетъ
Пѣвецъ младой,
Но голосомъ его не грянетъ
Пѣвецъ другой.

И будутъ новы поколѣнья
О немъ твердить,
Любовь, тоску и жадность мщенья,
Все въ немъ любить.

И на могилу ту покажутъ,
Гдѣ прахъ сокрытъ,
За что, когда и кѣмъ, разскажутъ,
Онъ былъ убитъ.

Не смыть ей горькими слезами
Съ себя пятна,
Не отмолиться ей мольбами:
Жалка она.

2) «Солдатская сказка про двухъ царей, Россійскаго и Нѣмецкаго, и о томъ, какъ царь Русской, перещеголявъ царя Нѣмецкаго, поступилъ съ нимъ великодушно» написана Ѳедоромъ Сергѣевичемъ Чернышевымъ въ 1835 году по случаю Калишскихъ маневровъ, на которыхъ русскія войска дѣйствовали вмѣстѣ съ прусскими, напечатана въ *Русской Старинѣ* 1872 года, т. V.

время слышалъ я о смерти митрополита Евгенія и уже зналъ, что̀ онъ такое. Нѣкоторое время ходилъ я въ пансіонъ Камбека, (тогда инспектора гимназіи, а впослѣдствіи забавлявшаго всѣхъ студентовъ профессора римскаго права въ Казанскомъ университетѣ, переводившаго pontifex maximus — верховой жеребецъ и т. п.), гдѣ учился А. Н. Плещеевъ, тогда тоненькій мальчикъ лѣтъ 13, щеголевато-одѣтый и преслѣдовавшій меня насмѣшками (онъ передѣлалъ мою фамилію: Бестыжевъ-Рюмкинъ; какъ я удивился, встрѣтивъ въ 80-хъ годахъ ту же передѣлку въ примѣненіи къ курсисткамъ).

Лѣтомъ мы съ матерью ѣздили на долгихъ въ Тверскую губернію, въ имѣніе тетки С. Н. Гладковой. Въ Москвѣ, катаясь по парку, я видѣлъ въ первый и послѣдній разъ императора Николая. Въ Москву пріѣхалъ отецъ закладывать имѣніе въ Опекунскій совѣтъ — начало нашего разоренія. Мы вернулись вмѣстѣ. Осень провели въ Нижнемъ, гдѣ родилась сестра Софья. Мы жили въ домѣ Леера, и съ Генрихомъ (знаменитымъ теперь тактикомъ) мы играли комедію Ѳедорова, въ которой я игралъ женскую роль. Изъ Нижняго пріѣхала съ нами гувернантка Тереза Ивановна, но жила у насъ до весны. Въ 1838, 1839 и 1840 годахъ я учился мало, только твердилъ французскіе вокабулы и діалоги, но за то много читалъ; прочелъ всего Пушкина и многое зналъ наизусть, Жуковскаго, Карамзина (кромѣ «Исторіи», прочелъ сочиненія, изъ переводовъ — Мармонтеля), Озерова, Фонвизина, частью Державина и даже «Кадма и Гармонію» Хераскова, кое-что Вальтера Скотта. Изъ серьезныхъ сочиненій, кромѣ «Исторіи Государства Россійскаго» и Миллота (первую читалъ два раза съ отцомъ и четыре раза одинъ), прочелъ Плутарха, Бергманна «Петра», Берха о Романовыхъ, «Сказанія современниковъ о Дмитріѣ Самозванцѣ», Вейдемейера объ Елизаветѣ Петровнѣ, записки Манштейна и Устрялова. Кромѣ того, часто перебиралъ старые журналы, какіе попадались подъ руку; такъ, въ *Литературныхъ Прибавленіяхъ* къ *Русскому Инвалиду* 1838 года я прочелъ «Пѣснь о купцѣ Калашниковѣ», которая

мнѣ очень понравилась. Читалъ много театральныхъ піесъ, и даже тѣ изъ Шекспировскихъ, которыя были въ переводѣ, и т. д. Въ 1840 году родился братъ Николай (въ февралѣ), а въ апрѣлѣ скончался дѣдушка; мать поѣхала въ Москву и привезла мнѣ оттуда «Иліаду» въ изданіи 1839 года, которую и читалъ я съ жадностію. Въ ноябрѣ 1840 года отецъ помѣстилъ меня въ благородный пансіонъ при Нижегородской гимназіи (19-го ноября), гдѣ я встрѣтилъ нѣсколько пріятныхъ для меня людей: Е. А. Бѣлова, который, къ сожалѣнію, при мнѣ былъ недолго[1]),

---

1) К. Н. Бестужеву-Рюмину суждено было пережить Евгенія Александровича Бѣлова (род. въ 1826 г., ум. 2-го ноября 1895) и написать его некрологъ, помѣщенный въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1895 г., декабрь. Въ этомъ некрологѣ Бестужевъ говоритъ между прочимъ слѣдующее: «Въ концѣ 1840 года привезъ меня отецъ въ Нижній и помѣстилъ въ благородномъ пансіонѣ при гимназіи. Толпа школьниковъ, по обыкновенію, осадила новичка: кто билъ, кто щипалъ. Въ этой толпѣ оказался одинъ только человѣкъ, который принялъ меня подъ свою защиту и ласково отнесся ко мнѣ — это былъ ученикъ шестого класса Бѣловъ. Къ сожалѣнію, при мнѣ онъ недолго оставался въ пансіонѣ: въ началѣ 1841 года онъ, по обстоятельствамъ, вышелъ изъ гимназіи и началъ готовиться къ поступленію въ университетъ». Впослѣдствіи, въ 1864 году, Бестужевъ возобновилъ знакомство съ Е. А. Бѣловымъ въ Петербургѣ и сохранялъ дружескія къ нему отношенія до самой его смерти. Объ этомъ свидѣтельствуютъ слѣдующія заключительныя строки вышеупомянутаго некролога: «Кто зналъ Бѣлова, тѣ помнятъ, какимъ неистощимымъ и пріятнымъ собесѣдникомъ былъ онъ. Его необыкновенно самостоятельный умъ всегда указывалъ ему такую сторону дѣла, которая другими не всегда была и замѣчена. Ничего не принимая на вѣру, онъ все пересматривалъ и передумывалъ. Въ его разговорѣ, какъ и въ его умѣ, никогда не было ничего шаблоннаго. Съ нимъ можно было не соглашаться, но послѣ разговора съ нимъ всегда приходилось снова пересматривать и передумывать то, о чемъ онъ говорилъ. Оптимистомъ онъ никогда не былъ. Онъ много жилъ, много встрѣчалъ въ жизни не веселаго, и оттого на его разсужденіяхъ лежала нѣкоторая печать пессимизма. Умъ его, безпристрастный и широкій, мѣшалъ ему вдаваться въ крайности и принадлежать къ какой-нибудь партіи. Пылкій и раздражительный отъ природы, онъ тѣмъ не менѣе былъ готовъ на всякое доброе дѣло и умѣлъ отнестись благосклонно къ людямъ, — оттого, какъ ни былъ онъ строгъ къ своимъ ученикамъ, онъ пользовался всегда ихъ любовью. Грустно хоронить близкихъ людей, но отрадно думать, какихъ людей пришлось встрѣчать въ жизни. Евгеній Александровичъ относится къ числу лучшихъ людей, которыхъ я зналъ. Въ скорби объ этой смерти можетъ послужить утѣшеніемъ то сочувственное отношеніе къ нему, которое заявлялось и устно, и печатно».

князя Ѳ. А. Дивѣева, кончившаго курсъ съ медалью въ 1845 году (это первый выпускъ института) и утопленнаго въ Москвѣ въ пьяной дракѣ (въ 1846 году). Это былъ необыкновенно даровитый человѣкъ, но съ Полежаевскимъ характеромъ, а къ его несчастію, А. И. Бѣлокопытовъ, братъ первой жены Мельникова, началъ его спаивать, кажется, съ четырнадцати лѣтъ; помню, какъ разъ, вернувшись отъ Мельникова пьяный, онъ кричалъ: «Пеликанъ, дѣвку!» и Пеликанъ старался его успокоить и наконецъ уложилъ.

Въ біографіи Ешевскаго я имѣлъ случай говорить о гимназіи, тогдашней педагогикѣ и учителяхъ, но ничего не говорилъ о пансіонѣ, который состоялъ при гимназіи, а въ 1845 году обращенъ въ институтъ. Я провелъ четыре года въ пансіонѣ и годъ въ институтѣ. Въ пансіонѣ болѣе всего заботились о томъ, чтобы въ часы занятій мы сидѣли смирно: seyn sie ruhich und sitzen sie still—вотъ все, что̀ мы слышали отъ надзирателей, изъ которыхъ одинъ былъ Пеликанъ, бывшій Шереметевскій садовникъ. Близость отца съ Шереметевымъ ограждала меня отъ многаго: Шереметевъ былъ почетный попечитель гимназіи. Помню, какъ на другой день поступленія Зеленецкій, нынѣ совѣтникъ въ Таврическомъ губернскомъ правленіи [1]), толкнулъ меня на Пеликана; тотъ меня ударилъ, что̀ въ наше время водилось сплошь да рядомъ, я сказалъ отцу, отецъ обидѣлся, пришелъ къ инспектору (Евтропову) и сказалъ ему, что если это повторится, онъ побьетъ Пеликана; когда же Евтроповъ замѣтилъ, что Пеликанъ скоро получитъ XIV классъ, отецъ замѣтилъ, что и тогда побьетъ; послѣ Пеликанъ былъ ко мнѣ необыкновенно внимателенъ. Въ институтѣ мы сидѣли по классамъ, и надзиратели наблюдали только надъ маленькими. Большинство товарищей, народъ грубый и мало интелигентный (деревенскіе

1) Михаилъ Андреевичъ Зеленецкій служилъ сперва въ Нижнемъ-Новгородѣ, а съ 1882 года по 1890 — въ Симферополѣ, гдѣ и встрѣтился съ нимъ Бестужевъ.

барчуки, воспитанные въ конюшнѣ и дѣвичей), относились ко мнѣ неблагосклонно: я былъ физически слабъ, самолюбивъ, чувствителенъ къ насмѣшкамъ, а начальство баловало меня. Впрочемъ были у меня и друзья—А. Эшманъ, Чугуновъ, Николай Гильдебрандтъ, братъ Петра Андреевича *), умершій въ Калугѣ секретаремъ статистическаго комитета. Въ 1845 году, когда отецъ уже жилъ въ городѣ, у насъ дома часто бывалъ учитель изъ института и гимназіи. Тогда гостила у насъ тетка Софья Николаевна Гладкова съ дочерями и было весело. Я началъ въ это время просить отца перевести меня въ гимназію. За меня стоялъ Мельниковъ, тогда учитель гимназіи. Отецъ сопротивлялся, боясь разссориться съ Шереметевымъ, и уступилъ только послѣ экзамена (тогда тетка уже уѣхала). Узнавъ такое рѣшеніе, я просился ѣхать въ деревню, гдѣ двѣ недѣли прожилъ только съ своею кормилицей и былъ очень веселъ. Были у меня тогда съ собою два тома Шиллера и «Mystères de Paris», о которыхъ я даже начиналъ статью.

Живо помню тотъ счастливый день, когда отправился я къ директору гимназіи (тогда Евтропову) съ просьбою о переводѣ изъ института. Въ гимназіи мнѣ жилось хорошо: со своими друзьями Ешевскимъ и Аратовскимъ я постоянно былъ вмѣстѣ; учителя меня любили, и учился я охотно всему, кромѣ математики, ибо благодаря Штейну, о которомъ говорилъ въ біографіи Ешевскаго [1]), я не зналъ геометріи и былъ плохъ на экзаменѣ въ институтѣ, даже въ присутствіи окружнаго инспектора Антропова. Это сошло мнѣ даромъ, я даже получилъ награду, но и въ гимназіи былъ плохъ по математикѣ, хотя впрочемъ порядочно зналъ алгебру, которой учился прежде у Руммеля (впослѣдствіи бывшаго, уже послѣ меня, надзирателемъ и удаленнаго за неприлич-

---

*) Члена Археографической комиссіи.

1) Въ біографіи С. В. Ешевскаго Константинъ Николаевичъ вспоминаетъ о двухъ своихъ гимназическихъ учителяхъ математики: одинъ изъ нихъ отличался тѣмъ, что таскалъ своихъ учениковъ за волосы, а другой, у котораго Бестужевъ учился года четыре, — тѣмъ, что «ни самъ не говорилъ въ классѣ, ни учениковъ не спрашивалъ» (Біографіи и характеристики. С.-Пб. 1882, стр. 275).

ныя для педагога привычки, но учителя хорошаго; кончилъ онъ въ Петербургѣ владѣльцемъ «летучей библіотеки»). Въ гимназіи у меня вечера были свободны, потому что вообще уроки давались мнѣ легко, да и курсъ гимназіи былъ менѣе сложенъ: въ институтѣ, кромѣ обыкновенныхъ предметовъ, были еще законовѣдѣніе и естественная исторія. Досуги свои я посвящалъ на чтеніе и читалъ много: русскихъ авторовъ, журналы, Жоржа Занда, Вальтера Скотта, Гюго, Гете (тогда я прочелъ въ первый разъ «Вильгельма Мейстера» по нѣмецки). Чтеніе и поощренія учителя И. В. Кроткова побуждали меня работать для «литературныхъ бесѣдъ», о которыхъ сказано въ біографіи Ешевскаго [1]). Кромѣ

---

1) Вотъ что̀ разсказываетъ объ этихъ «литературныхъ бесѣдахъ» К. Н. Бестужевъ въ біографіи С. В. Ешевскаго: «Литературныя бесѣды введены были переведеннымъ незадолго передъ тѣмъ въ С.-Петербургъ попечителемъ Казанскаго учебнаго округа М. Н. Мусинымъ-Пушкинымъ. Каждый мѣсяцъ назначалась такая бесѣда, и для нея одинъ изъ учениковъ VI-го и VII-го классовъ долженъ былъ приготовить сочиненіе; сочиненіе это читалось въ присутствіи другихъ учениковъ и всего гимназическаго начальства; кто изъ учениковъ хотѣлъ, тотъ могъ возражать; завязывался споръ. Этотъ споръ, записанный учителемъ, вмѣстѣ съ сочиненіемъ посылался въ Казань на разсмотрѣніе профессора словесности; отчеты о достоинствахъ присылаемыхъ отвсюду сочиненій печатались въ *Начальственныхъ распоряженіяхъ* (тогдашній журналъ округа). Съ трепетомъ ждалъ каждый изъ насъ, что̀-то скажетъ К. К. Фойгтъ объ его сочиненіи. При такомъ порядкѣ бесѣды эти — что̀ ясно само собою — должны были имѣть въ себѣ много театральнаго, подготовленнаго; дѣйствительно, для нѣкоторыхъ учениковъ возраженія приготовлялъ учитель; сказанное негладко выглаживалось въ письменномъ изложеніи; бывало, послѣ бесѣды приготовляешь сочиненіе для отсылки въ Казань и сочиняешь на досугѣ отвѣты на возраженія, иногда даже послѣ придуманныя учителемъ; все это потомъ еще чиститъ и выглаживаетъ учитель. Въ 1846 году наше начальство, желая доказать, что гимназія не пала послѣ отдѣленія института, на что̀ намекали въ актовой рѣчи этого послѣдняго заведенія, затѣяло пригласить на бесѣду губернскаго предводителя и губернатора. Сочиненіе было мое: «Борисъ Петровичъ Шереметевъ». Сочиненіе понравилось, и тогда сдѣлали второй опытъ: Ешевскій читалъ свое сочиненіе «О мѣстничествѣ». Эти-то бесѣды описалъ П. И. Мельниковъ въ *Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ*, которыя онъ тогда редактировалъ.... Это описаніе не совсѣмъ безпристрастно уже и потому, что авторъ статьи былъ главнымъ руководителемъ бесѣды, такъ какъ темы были историческія; тѣмъ не менѣе дѣло передается довольно близко къ правдѣ. Дѣйствительно, мы серьезно готовились къ своимъ сочиненіямъ; прочитывали всѣ доступные намъ источники; готовились оба, какъ авторъ сочиненія, такъ и опо-

упомянутой тамъ статьи о Шереметевѣ *), писалъ я еще о Державинѣ, Лермонтовѣ и о родахъ и видахъ поэзіи. Все это заставляло читать, думать, вырабатывать слогъ. Въ концѣ курса (1847 г.) напечаталъ я, кажется, въ мартѣ въ *Нижегородскихъ Вѣдомостяхъ*, редакторомъ которыхъ былъ Мельниковъ, первыя свои статьи (о Фонвизинѣ, Озеровѣ, Гоголѣ и Крыловѣ). Учился я и по гречески, чтобы поступить на словесный факультетъ, учился сначала у директора института М. Ф. Грацинскаго, но онъ былъ лѣнивъ, любилъ вышить и безтолковъ; дѣло шло плохо; въ гимназіи учился у учителя семинаріи Невзорова, который самъ зналъ мало, а я узналъ еще меньше. Вотъ почему я всегда былъ плохъ по гречески. Въ эту пору я выѣзжалъ: бывалъ у Улыбышевыхъ, Булатовыхъ и т. д.

Отецъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ съ извѣстнымъ музыкальнымъ критикомъ А. Д. Улыбышевымъ. Поссорились они по странному поводу: Я въ ту пору много писалъ для французскаго учителя **); онъ былъ доволенъ моимъ прилежаніемъ и хотя, ко-

---

нентъ, и скрывали другъ отъ друга возраженія, что впрочемъ не мѣшало всей остальной обстановкѣ быть подготовленною. При такой обстановкѣ понятно, что сочинитель могъ отвѣчать и на сторонніе возраженія» (Біографіи и характеристики, стр. 278 и 279).

Павелъ Ивановичъ Мельниковъ былъ преподавателемъ исторіи въ Нижегородской гимназіи съ 1839 года. Бестужевъ не признавалъ въ немъ дарованій педагога: по его мнѣнію, мѣшала тому артистическая натура Мельникова; но онъ умѣлъ быть «полезенъ тѣмъ, кто хотѣлъ заниматься. Въ комъ онъ видѣлъ это желаніе, того умѣлъ и заинтересовать, и повести..... Говорилъ онъ всегда превосходно, книги всегда выбиралъ интересныя. Оттого многіе ему чрезвычайно обязаны, а между этими многими въ особенности Ешевскій и я» (см. некрологъ П. И. Мельникова, напечатанный Бестужевымъ-Рюминымъ въ *Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія* 1883 г., мартъ, стр. 44; ср. Біографіи и характеристики, стр. 276).

*) «Шереметева» писалъ я двѣ недѣли, освобожденный по этому случаю отъ уроковъ. Для него я перебралъ Голикова, письма Шереметева и его путешествіе. Основою взята была біографія у Бантыша-Каменскаго въ «Біографіяхъ Фельдмаршаловъ». Замѣтки на этой книгѣ сохранились доселѣ.

**) Еще въ III-мъ классѣ я читалъ по французски Гиббона и переводилъ изъ него по желанію инспектора одну главу. Тогда же я прочелъ значительную часть книги: «Les Livres sacrés de l'Orient» (главнымъ образомъ Коранъ); читалъ кое-что и послѣ, а въ VI и VII даже и много.

67896

нечно, поправлялъ мои сочиненія, заставилъ меня написать рѣчь для акта, которую прочла моя мать и сдѣлала замѣчанія: мать хорошо знала по французски и на этомъ языкѣ переписывалась съ своею сестрою; горбатовскій почтмейстеръ разъ разсказывалъ ей о распечатанныхъ письмахъ. «Вы читаете и мои?» сказала она. «Помилуйте! Вы пишете по французски». Прочелъ рѣчь учитель. Когда она была переписана, учитель назначилъ говорить ее сына Улыбышева. Александръ Дмитріевичъ (нѣкогда дипломатъ, французскій писатель) обидѣлся, написалъ рѣчь самъ, принесъ ее директору, обвиняя учителя въ незнаніи языка, и требовалъ, чтобы была произнесена его рѣчь. Директоръ не согласился, а мой отецъ обидѣлся. Такъ они и разошлись. Изъ своихъ друзей я упомянулъ Аратовскаго. Это былъ весьма даровитый юноша, мечтатель, романтикъ, со страстію къ стихамъ и, какъ мнѣ кажется, съ талантомъ. Онъ кончилъ курсъ въ 1848 году, вслѣдствіе ревизіи Иванова, о которой скажу ниже. Отецъ его сначала не пускалъ въ университетъ, а когда согласился въ 1849 году, въ университетѣ былъ введенъ комплектъ. Онъ поступилъ въ Ярославскій лицей, откуда вышелъ, не кончивъ курса, потому что задумалъ жениться. Я былъ противъ этой свадьбы,—отчего мы и разошлись. Женитьба погубила его: Екатерина Ивановна была женщина больная, едва ли даже въ здравомъ умѣ. Она пролѣчила все его состояніе, заставила его для ея лѣченія переѣхать въ Петербургъ, бросить мѣсто судебнаго слѣдователя. Въ Петербургѣ они бѣдствовали: онъ служилъ письмоводителемъ у мироваго судьи; она все хирѣла и умерла. Онъ ее пережилъ недолго и скончался въ 1876 году. Въ послѣдніе годы, когда онъ еще былъ живъ, мы сошлись снова, но онъ ко мнѣ не выходилъ. Такова эпопея этого одного изъ послѣднихъ романтиковъ. У меня сохранилось много его писемъ, нѣсколько стихотвореній, между прочимъ переданная имъ мнѣ уже въ Петербургѣ поэма, гдѣ описана наша гимназія и наши бесѣды. Миръ праху твоему, бѣдный страдалецъ! Разъ, въ послѣдніи дни его жизни, я ѣхалъ къ нему и твердилъ стихъ Ап. Григорьева: «Тихо спи, измученный борьбою»; пріѣзжаю, а онъ

встрѣчаетъ меня упоминаніемъ объ этихъ стихахъ, которые когда-то читали мы вмѣстѣ съ нимъ.

Весело мы держали выпускной экзаменъ въ маѣ 1847 года, какъ вдругъ получили приказаніе изъ Казани ждать ревизора профессора Н. А. Иванова. Весь нашъ выпускъ, конечно, не забылъ этой ревизіи: онъ продержалъ меня полчаса изъ исторіи, придираясь за то, что я привелъ мнѣніе Голохвастова о Палицынѣ: «Если какой-нибудь дуракъ скажетъ вамъ», говорилъ Ивановъ,—«что не было Москвы, вы придете и будете говорить: господинъ профессоръ, Москвы не было. Голохвастовъ—дуракъ, а предокъ его — п.....ъ», продолжалъ онъ. Изъ географіи онъ заставилъ меня переэкзаменоваться потому, что я не понялъ вопроса: представить ему Европу и Азію à vol d'oiseau. Мы тогда еще не имѣли понятія о рельефѣ и береговой линіи; за сочиненія поставилъ тройку, кажется, потому, что я держался правописанія *Отечественныхъ Записокъ*; но все же меня онъ выпустилъ. Такихъ счастливцевъ было трое изъ восьми: я, Добролюбовъ (нынѣ присяжный повѣренный въ Петербургѣ, племянникъ В. П. Васильева) и Ѳедоровскій, въ послѣдствіи извѣстный статьею объ откупной системѣ (въ *Современникѣ*), первый акцизный начальникъ въ Саратовѣ, а послѣ тамъ же предсѣдатель земской управы, дѣятель либеральной партіи, смѣненный, кажется, при графѣ Игнатьевѣ и вскорѣ умершій. Мы всѣ трое поѣхали въ университетъ: я—въ Москву, остальные—въ Казань; послѣ новаго экзамена (отъ экзамена наша гимназія не была свободна и въ Казани) поступили: Ѳедоровскій — на математическій, а Добролюбовъ — на юридическій факультеты.

Въ іюлѣ 1847 года я пріѣхалъ въ Москву. Въ Москвѣ на первое время я поселился у тетки; два ея сына были студенты и оба юристы. Съѣздивъ съ Ешевскимъ, тогда перешедшимъ въ Москву, къ Троицѣ и передавъ Погодину письмо отъ Мельникова*),

*) Къ концу года я пересталъ бывать у Погодина, благодаря тому, что Н. В. Калачовъ, съ которымъ я тогда познакомился, наговорилъ мнѣ на него, что онъ эксплуататоръ и т. д. Я не бывалъ у него до 1863 года.

я держалъ экзаменъ и хотя плохъ оказался по греческому языку, но поступилъ въ первое отдѣленіе философскаго факультета (= историко-филологическій факультетъ). Деканъ Шевыревъ, довольный моимъ сочиненіемъ: «Россія въ историческомъ отношеніи», былъ ко мнѣ очень внимателенъ и заявилъ Зернову (профессоръ математики): «Хорошій словесникъ не можетъ быть плохимъ математикомъ», вслѣдствіе чего я получилъ хорошій балъ у Зернова, не давшаго мнѣ отвѣчать на вопросъ изъ геометріи, на которомъ я непремѣнно бы срѣзался. Наскучивъ грамматическимъ преподаваніемъ древнихъ языковъ (на 1-мъ курсѣ Клинъ и Шестаковъ преподавали латинскій языкъ, а Меньшиковъ — греческій) и зная, что исторія преподается почти въ такомъ же объемѣ на юридическомъ (только Соловьевъ читалъ лишній курсъ на словесномъ факультетѣ, какъ говорили тогда), подстрекаемый притомъ увѣщаніями старшаго изъ двоюродныхъ братьевъ (Н. А. Гладкова, впослѣдствіи профессора въ Ярославлѣ, а послѣ члена Московской палаты, † 1892 г.), перешелъ я на юридическій факультетъ. Этому переходу много способствовало и то, что я попалъ на вступительную лекцію Рѣдкина, которая заканчивалась словами: «Придите, сыны свѣта и свободы, въ область свободы». Скоро я познакомился съ Кавелинымъ и сталъ ходить на лекціи. Изъ юристовъ намъ читали Рѣдкинъ и Кавелинъ. Лекціи Рѣдкина намъ были очень полезны: онѣ пріучали правильно мыслить; самая искусственность его изложенія, тогда строго державшагося Гегелевской системы, сильно способствовала развитію. Энциклопедію свою Рѣдкинъ дѣлилъ на три части: общее понятіе о правѣ, право въ развитіи (исторія положительнаго права и развитіе философіи права) и правовѣдѣніе (общая схема юридическихъ наукъ); всему изложенію онъ предпосылалъ два введенія: въ науку вообще и въ юридическую энциклопедію; введенія, первую и третью часть онъ читалъ на первомъ курсѣ, а вторую — на четвертомъ. Другимъ юридическимъ профессоромъ былъ на первомъ курсѣ Кавелинъ. Его изложеніе исторіи русскаго права было развитіемъ извѣстной статьи его «Юридическій бытъ древней

Россіи». Нашъ курсъ начиналъ онъ обширнымъ введеніемъ, излагавшимъ древне-славянскій бытъ: сверхъ того, онъ читалъ съ нами «Русскую Правду» и комментировалъ ее. Его лекціи остроумныя и оживленныя привлекали къ себѣ массу слушателей. Къ сожалѣнію, на нашемъ курсѣ онъ пропустилъ болѣе мѣсяца, собираясь выходить въ отставку по случаю Крыловской исторіи [1]) и оставшись только по волѣ начальства до экзаменовъ. Мы встрѣтили его рукоплесканіями. Нѣкоторыхъ изъ насъ (въ томъ числѣ и меня) пригласилъ онъ къ себѣ, чтобы объяснить, какъ ему непріятны эти рукоплесканія. Я бывалъ и прежде у Кавелина; но онъ пересталъ принимать студентовъ, когда у него разъ, во время пріема, пропали часы. Черта неособенно деликатная! Кавелинъ былъ очень милъ со студентами и говорилъ черезъ-чуръ откровенно... Изъ профессоровъ не юристовъ у насъ читалъ С. П. Шевыревъ свое введеніе въ курсъ словесности, въ которое входила и исторія языка, и долженъ былъ читать Грановскій, но заболѣлъ послѣ первой лекціи. Читали еще Герингъ — нѣмецкій языкъ, Фабриціусъ — латинскій, и Терновскій — богословіе. Этотъ послѣдній былъ общимъ страшилищемъ. За то, что я случайно не попалъ на его репетицію, онъ придрался ко мнѣ на экзаменѣ,—а не попалъ я потому, что ѣздилъ на Рождествѣ въ Нижній и возвратился не 12-го января (лекціи начинались съ 13-го), а 14-го. Отецъ былъ недоволенъ моимъ переходомъ, ибо зналъ мое расположеніе къ исторіи, да и самъ я не подозрѣвалъ, что̀ я съ собою сдѣлаю. Послѣ оказалось, что̀ все было къ лучшему. Юридическое образованіе послужило мнѣ много въ моемъ преподаваніи и литературной дѣятельности.

Въ первомъ курсѣ я написалъ два сочиненія: о новгородскихъ посадникахъ и о новгородскихъ епископахъ, которыя заставили меня познакомиться съ лѣтописями. Еще въ началѣ года по

---

1) Подъ «Крыловскою исторіей» Константинъ Николаевичъ разумѣетъ столкновеніе профессора римскаго права Н. И. Крылова съ нѣкоторыми изъ своихъ товарищей по факультету, въ томъ числѣ съ К. Д. Кавелинымъ; поводомъ къ столкновенію послужили семейныя несогласія Крылова.

совѣту Погодина мы съ Ешевскимъ принялись за работу: свести извѣстія, слѣдующія за приписью Сильвестра съ цѣлію опредѣлить начало сводовъ, продолжавшихъ «Повѣсть временныхъ лѣтъ», но это дѣло, по нашей тогдашней неумѣлости, не было сдѣлано. Первый курсъ замѣчателенъ для меня тѣмъ, что у меня усилились религіозныя сомнѣнія, вызванныя еще чтеніемъ Жоржа Занда («il etait», говорила она о Руссо,—«de la religion universelle, dont le christianisme n'est qu'une phase, et le scepticisme n'est qu'un accident»); не смотря однако на то, въ 1847 году я одинъ во всемъ домѣ въ великій постъ постился, и такъ какъ для меня не готовили, то по недѣлямъ ѣлъ только капусту; читалъ Евангеліе и писалъ свои размышленія (которыя, къ сожалѣнію, не сохранились). Религіозное чувство сказалось въ моей статьѣ о Гоголѣ и даже въ сочиненіи на вступительномъ экзаменѣ, гдѣ толковалось и о православіи, какъ стихіи русской жизни. Разговоры товарищей отвлекли меня отъ чистой дѣтской вѣры, но новаго ничего не дали: матеріалистомъ я не сдѣлался, но долго (до 60-хъ годовъ) оставался безпочвеннымъ идеалистомъ. Революція 1848 года подѣйствовала также отчасти возбуждающимъ образомъ; но мы носились въ какомъ-то отвлеченномъ либерализмѣ и соціализмѣ и мало понимали, въ чемъ дѣло: любопытно, что изъ Погодинскихъ «Изслѣдованій, лекцій и замѣчаній» я еще раньше вынесъ мнѣніе, что во Франціи революція неизбѣжна. Благополучно кончивъ экзаменъ, я уѣхалъ въ Нижній, гдѣ въ послѣдній разъ видѣлъ отца: онъ скончался въ октябрѣ 1848 года; я узналъ это поздно и пріѣхалъ уже послѣ похоронъ.

Въ началѣ второго курса поселился я съ Ешевскимъ въ первый разъ по студенчески въ нумерахъ,—на первомъ же курсѣ жилъ я сначала у тетки, а потомъ съ Ешевскимъ у его родственницы. На второмъ курсѣ слушалъ я у Крылова исторію римскаго права. Ученики этого геніальнаго профессора не разъ (Кони, Муромцевъ) свидѣтельствовали объ его обширныхъ дарованіяхъ и вліяніи на развитіе слушателей. Лично Крылова никто не любилъ: пьяный и взяточникъ, онъ не могъ быть симпатиченъ, по умственному его

вліянію всѣ покорялись. Въ печати отъ него сохранилось немного, да и немногое даетъ слабое понятіе о нёмъ, какъ профессорѣ. Широкій умъ, образность выраженія, умѣнье понять самые тонкія черты института и выставить ихъ ярко — вотъ отличительныя черты Крылова. Изъ курса исторіи памятны его очерки по Нибуру древнѣйшаго періода, характеристика сената и магистратовъ (сенатъ — центръ правленія; «самодержавные», какъ онъ выражался, магистраты другъ отъ друга независимы), значеніе претора, юридическія школы въ Римѣ и т. д. Крыловъ, назначивъ репетиціи, которыя впрочемъ не состоялись, заставилъ насъ готовиться; я готовился съ Лохвицкимъ и Ѳеоктистовымъ; тогда мы сблизились. Государственнаго права мы не слушали по случаю выхода въ отставку Рѣдкина, а логики — по болѣзни Каткова. За то слушали Грановскаго, который читалъ среднюю исторію, и Кудрявцева, читавшаго новую. Курсъ Грановскаго отличался изяществомъ построенія, сжатою картинностью изложенія. Это были очерки, но до того мастерскіе, что трудно приблизить къ нимъ чье-либо изложеніе. Высокое благородное чувство всегда отличало Грановскаго и много способствовало развитію слушателей. Изложеніе Кудрявцева значительно отличалось отъ изложенія Грановскаго: оно было фактичнѣе, а главное — изобиловало психологическимъ анализомъ: въ нашъ курсъ Кудрявцевъ посвятилъ пять лекцій очерку жизни Лютера до начала реформаціи; въ слѣдующемъ году, преподавая среднюю исторію, онъ подробно остановился на характеристикѣ блаженнаго Августина; въ своей диссертаціи: «Судьбы Италіи» онъ особенно останавливается на папѣ Григоріѣ; его «Карлъ V» — тоже психологическій этюдъ. Съ этой стороны любопытны и его повѣсти; любопытны онѣ и грустно-романтическимъ настроеніемъ, такъ характернымъ для Кудрявцева, который никогда не смѣялся, а какъ-то тихо улыбался. У насъ привыкли считать Грановскаго какимъ-то главою западниковъ. Это не правда: Грановскій, живой и бодрый, былъ гораздо болѣе русскимъ человѣкомъ, чѣмъ отвлеченный романтикъ Кудрявцевъ. Кудрявцевъ, видѣвшій въ исторіи преимуще-

ственно культурную сторону, высоко ставилъ европейское просвѣщеніе и мало цѣнилъ русскія особенности. «Русская исторія сбиваетъ съ толку людей», говорилъ онъ мнѣ, когда, говоря о Польшѣ, я замѣтилъ, что возстановленіе ея потому не возможно, что трудно опредѣлить границы. Въ Крымскую войну Грановскій печалился нашими неудачами, Кудрявцевъ радовался имъ, видя въ нихъ зарю обновленія. Объ этомъ будемъ говорить послѣ.

Русскую исторію читалъ Соловьевъ. Въ наше время лекціи его не были тѣ блистательные очерки общаго хода, которые слушали послѣдующія поколѣнія (лекціи эти были напечатаны въ послѣдніе годы въ Таганрогѣ, какъ контрафакція, однимъ учителемъ гимназіи); наши лекціи состояли изъ краткаго фактическаго очерка, прототипа его учебной книги, съ прибавкою нѣсколькихъ лекцій исторіографіи. Послѣ лекцій Кавелина тогдашнія лекціи Соловьева производили мало дѣйствія, и уважая его знанія, мы хотя и знакомы были съ его диссертаціями, мало цѣнили его талантъ; блестящія страницы публичныхъ чтеній о Петрѣ, даже лекцій о развитіи власти въ Россіи (точнаго заглавія не помню), читанныя въ 1851 году[1]), еще были впереди. Политическую экономію, тогда предметъ добавочный, читалъ Чивилевъ, человѣкъ умный, но сухой и односторонній; по характеру онъ очень сбивался на нѣмца; это сходство еще усилилось его пребываніемъ въ Дерптскомъ профессорскомъ институтѣ; изложеніе его было ясно и точно, что̀ давало возможность легко понимать всякія экономическія книги; его курсъ былъ близокъ къ извѣстному тогда сочиненію: «Eléments de l'économie politique» Гарнье, одного изъ сторонниковъ Сея; когда мнѣ случайно попалась эта книга, я узналъ въ ней лекціи Чивилева.

Зимою этого года жилъ въ Москвѣ Плещеевъ; я встрѣчалъ его у Кудрявцева и Грановскаго, у которыхъ началъ бывать въ

1) Взглядъ на исторію установленія государственнаго порядка въ Россіи до Петра Великаго. Публичныя чтенія. Москва. 1852. Вторично издано въ сборникѣ: Сочиненія С. М. Соловьева. С.-Пб. 1882.

этомъ году. Изъ насъ особенно сблизился съ нимъ Ѳеоктистовъ, и мы начали видѣться съ нимъ въ разныхъ мѣстахъ. Онъ говорилъ намъ о возможности получать запрещенныя книги и намекалъ, что въ Петербургѣ есть общество; отъ Ешевскаго получилъ онъ знаменитое письмо Бѣлинскаго, которое послужило къ обвиненію и его, и Достоевскаго. Когда Плещеева взяли, я сильно задумался надъ тѣмъ, чтобъ и намъ не досталось, но гроза миновала насъ. Къ концу года узнали мы, что для университетовъ учреждаются комплекты въ 300 человѣкъ, и что попечитель Голохвастовъ, замѣнившій въ 1848 году Строганова, смѣненъ на томъ основаніи, что студенты при пріѣздѣ Государя не умѣли отдавать чести; чтобы пріучить къ формѣ, велѣно было намъ постоянно ходить при шляпѣ и шпагѣ, а въ слѣдующемъ году попечителемъ назначенъ былъ генералъ Назимовъ. Добрѣйшій Владиміръ Ивановичъ, впослѣдствіи такой неудачный генералъ-губернаторъ, показался намъ какимъ-то пугаломъ: онъ назначенъ былъ водворить дисциплину. Это назначеніе послѣдовало впрочемъ или въ концѣ нашего 3-го или въ началѣ 4-го курса; а пока правилъ помощникъ попечителя князь Щербатовъ, впослѣдствіи попечитель петербургскій. На вакацію поѣхалъ я оригинальнымъ путемъ: на долгихъ со спутникомъ до Ярославля, отъ Ярославля до Костромы въ крытой лодкѣ, отъ Костромы до Нижняго въ открытой, съ возвращающимися бурлаками (бурлаки, дотянувъ лямку, покупаютъ лодку, ѣдутъ въ ней по Волгѣ, каждый до ближайшаго для него пункта, берутъ и пассажировъ: отъ Костромы я заплатилъ 1 р.). Путешествіе было весело, не смотря на дожди, отъ которыхъ меня защищала только шинель; приходилось останавливаться у кабаковъ. Ѣхалъ я отъ Москвы 10 дней (вмѣсто обыкновенныхъ двухъ въ мальпостѣ). Здѣсь болѣе, чѣмъ когда-либо, я присмотрѣлся къ народу: были тутъ и вятчане, и рязанцы, и слышалъ я разныя нареканія однихъ на другихъ. Здѣсь слышалъ выраженіе «стародубы» (жители нижней Оки).

На третьемъ курсѣ Крыловъ читалъ догму римскаго права

(на четвертомъ онъ продолжалъ ее) съ искусствомъ не меньшимъ, если не большимъ, чѣмъ онъ читалъ исторію. Чѣмъ тоньше фикція римскаго права, тѣмъ ярче и яснѣе излагалъ ихъ Крыловъ. Его образцовая юридическая логика, яркая образность его языка памятны всѣмъ его слушателямъ: основы гражданскаго права запечатлѣвались въ памяти какъ-то сами собою. Лекціи Крылова были самою лучшею школою для цивилиста. Оттого ученики его долго не могли освободиться даже отъ его способа выраженія: диссертація Кавелина «О владѣніи» и въ мысляхъ, и въ выраженіяхъ напоминаетъ Крылова. Профессоръ гражданскаго права Морошкинъ, человѣкъ умный, хотя и большой чудакъ, далеко не обладалъ ни талантомъ Крылова, ни умомъ его. Русское чутье, которое дало возможность Морошкину понять значеніе дьяковъ въ Московскомъ государствѣ («Рѣчь объ уложеніи»), иногда приводило его къ крайностямъ (напримѣръ, въ его фантазіяхъ о славянствѣ варяговъ и т. п.). Сверхъ того, Морошкинъ вводилъ въ свои лекціи шутки, которыя выходили у него неуклюжи (напримѣръ: «гражданскую палату», говорилъ онъ,—«нельзя отдать подъ судъ; это не секретарь Прохоръ Благодатный, не женится и не посягаетъ»; все это значило, что подъ судъ отдаютъ не юридическое лицо — палату, а ея членовъ); любилъ онъ также высокопарныя сравненія; напримѣръ, на диспутѣ Михайлова (профессора петербургскаго) онъ сравнилъ уѣздный судъ съ разсудкомъ, палату — съ умомъ, а сенатъ — съ разумомъ; но на томъ же диспутѣ онъ блистательно опредѣлилъ Неволина: великій анатомъ, никогда не былъ физіологомъ. Уголовное право читалъ Баршевъ, человѣкъ добрый, но совершенно бездарный: изложеніе его было вяло и темно и къ тому же все направлено къ оправданію Уложенія о наказаніяхъ. Полицейское право читалъ Лешковъ, нынѣ не извѣстно почему прославляемый (Кояловичемъ; впрочемъ похвалы Московскаго юридическаго общества понятны: онѣ относятся къ характеру). Курсъ Лешкова (послѣ онъ называлъ свой предметъ общественнымъ правомъ) былъ загроможденъ фактами и приправленъ некритическимъ восхваленіемъ древней Руси. Лешковъ

представилъ въ своей книгѣ «Русскій народъ и государство» любопытное опредѣленіе государства: «государство не есть сумма подъ куполомъ»; онъ хотѣлъ сказать, что государство не есть механическое соединеніе подъ одною властью различныхъ элементовъ, а сказалъ что-то непонятное. Грановскій разсказывалъ, что Лешковъ, взявъ у него почитать «Философію права» Гегеля, возвратилъ ее черезъ двѣ недѣли и прибавилъ, что онъ составилъ на нее примѣчанія. Анекдотъ характеристиченъ. Статистику мы не слушали, потому что Чивилевъ, по случаю закрытія Дворянскаго института, гдѣ онъ былъ директоромъ, переселился въ Петербургъ, и поступилъ на службу въ департаментъ удѣловъ. Въ декабрѣ этого года умерла моя двоюродная сестра Анна Александровна Гладкова, которая была очень мила и умна; мы съ нею были дружны. Ешевскій, пораженный сердечнымъ горемъ, переѣхалъ на другую квартиру, а я остался доживать эту зиму одинъ. Тогда же познакомился я съ графиней Сальясъ, у которой другъ мой Ѳеоктистовъ жилъ въ то время учителемъ.

Графиня Е. В. Сальясъ, урожденная Сухово-Кобылина, сестра автора «Свадьбы Кречинскаго», съ дѣтства окружена была интеллигентною сферой: у матери ея былъ одинъ изъ литературныхъ салоновъ (другой былъ у Левашевой, матери графа Л. Н. Толстого, въ домѣ которой жилъ Чаадаевъ, и гдѣ учили Бѣлинскій и Катковъ), учителями въ домѣ были Морошкинъ и Надеждинъ. Исторію любви Е. В. Сухово-Кобылиной къ Надеждину разсказалъ Герценъ; когда Надеждина сослали, Елизавета Васильевна была увезена за границу; Надеждинъ писалъ ей письма, въ которыхъ, надѣясь обратить на себя вниманіе распечатывающихъ письма, хвалилъ правительство. Елизаветѣ Васильевнѣ это не понравилось, она разорвала съ Надеждинымъ и вышла за мужъ за перваго встрѣчнаго, которымъ оказался графъ Сальясъ. Съ этимъ вѣтренымъ, но и ревнивымъ французомъ она была несчастлива. Вслѣдствіе дуэли графъ долженъ былъ уѣхать изъ Москвы, графиня за нимъ не поѣхала, и они разошлись. Я уже узналъ графиню въ одиночествѣ.

Она была женщина привлекательная, и скончавшись въ семьдесятъ слишкомъ лѣтъ, она сохранила живость ума. Нервная, энергическая, она скоро воспламенялась; такъ, разъ показалось ей, что я сталъ слишкомъ консерваторомъ, и она вознегодовала на меня (это было въ 60-хъ годахъ); потомъ мы опять примирились; но встрѣчаясь рѣдко и рѣдко переписываясь, мы уже не были по старому, хотя я ее очень любилъ; думаю, что и она была расположена ко мнѣ († въ 1892 году). Письма ея ко мнѣ, вѣроятно, дадутъ не одну черту ея будущему біографу; особенно интересно одно письмо, въ которомъ, по случаю пріѣзда мужа, она характеризуетъ его.

Въ тѣ годы въ ея домѣ открылся для меня новый міръ: постоянное общеніе съ женщиной, много видѣвшей, много читавшей и всѣмъ интересующейся, — тогда она только что начинала свою литературную дѣятельность — было чрезвычайно полезно. Въ ея домѣ въ эту зиму я встрѣчалъ Грановскаго, Кудрявцева и особенно часто Максимовича, который тогда намъ, молодымъ людямъ, казался только чудакомъ по своей малороссійской наивности, въ своемъ старомодномъ плащѣ съ трубкою. Весной я бывалъ у графини еще чаще: мы готовились съ Ѳеоктистовымъ. Лѣтомъ, поживъ съ семьей въ деревнѣ, я провелъ мѣсяцъ на Выксѣ, гдѣ жила графиня Сальясъ, отецъ которой былъ однимъ изъ опекуновъ Шепелевыхъ. Жили они весело: устраивали домашній театръ, большія прогулки: разъ ѣздили на лѣсной пожаръ болѣе, чѣмъ за 20 верстъ; ѣхали верхомъ; поѣхалъ и я, но своимъ неумѣньемъ ѣздить я возбуждалъ шутки молодой графини (послѣ г-жа Гурко) и такъ усталъ, что, возвращаясь въ сопровожденіи берейтора, заснулъ на лошади. Вообще мѣсяцъ прошелъ весело. Гостила на Выксѣ тогда и С. В. Сухово-Кобылина, сестра графини, писавшая хорошіе ландшафты, дѣвушка очень образованная и умная; я любилъ сидѣть у ея мольберта, когда она рисовала, и слушать ея разсказы и сужденія.

На четвертомъ курсѣ Крыловъ докончивалъ догму, а Морошкинъ читалъ гражданское судопроизводство, при чемъ, оканчивая

теоретическую часть въ первое полугодіе, второе отдавалъ на практику; для того приносилъ старыя дѣла; между студентами распредѣлялись роли: одинъ былъ истецъ, другой—отвѣтчикъ, третій—уѣздный судъ, четвертый—палата, пятый—сенатъ. Это служило для ознакомленія съ ходомъ дѣлъ и составленіемъ бумагъ. Я рѣдко бывалъ на этихъ лекціяхъ, роли никакой мнѣ не дали; вообще на четвертомъ курсѣ, вслѣдствіе строгостей въ костюмѣ, я появлялся рѣдко въ университетѣ. Баршевъ читалъ уголовное судопроизводство вяло и съ явною склонностью оправдать письменное производство; впослѣдствіи онъ говорилъ иное. На третьемъ курсѣ онъ читалъ по своей книгѣ, а на четвертомъ по книгѣ своего брата, петербургскаго профессора; увѣряли, будто одинъ изъ нихъ сказалъ: «На безплодной почвѣ русскаго уголовнаго права произросли два прекрасные цвѣтка: книги брата моего и моя». Se non è vero, è ben trovato! Лешковъ преподавалъ международное право также успѣшно, какъ и полицейское; Терновскій сонно и вяло излагалъ церковное право, не входя въ разборъ источниковъ, а прямо по Кормчей. Калачовъ, занявшій мѣсто Кавелина, комментировалъ первыя главы Уложенія. Это былъ гелертеръ нѣмецкій, не владѣвшій, какъ профессоръ, ни мыслью, ни формою, но знавшій много фактовъ и сообщавшій ихъ; его комментарій былъ поэтому не лишенъ интереса. Я былъ на его вступительной лекціи перваго курса; послѣ Кавелина онъ поразилъ сухостью и бездарностью изложенія. Финансовое право читалъ Мюльгаузенъ, человѣкъ умный, образованный, но лѣнивый до того, что не могъ собраться напечатать хотя бы одну статью. Впослѣдствіи ему дали доктора honoris causa за преподаваніе (это было уже послѣ 1863 года). Лекціи его были составлены ясно, толково и полно.

На четвертомъ курсѣ случилась исторія, которая въ позднѣйшія времена могла бы кончиться не такъ смѣхотворно, какъ кончилась у насъ. Мѣсто Рѣдкина, еще когда мы были на второмъ курсѣ, занялъ Орнатскій, нелѣпый педантъ: лекціями онъ возбуждалъ только смѣхъ, ибо, продиктовавъ самымъ дикимъ

языкомъ нѣсколько предложеній, начиналъ объяснять ихъ скороговоркою, въ которой ничего понять было нельзя. Манеру эту онъ перенялъ у нѣмцевъ. На экзаменѣ онъ требовалъ буквальнаго повторенія своихъ словъ, и если параграфъ начинался съ «попеже», то нельзя было начать его другимъ словомъ. Рѣдкина онъ бранилъ часто на лекціяхъ и говорилъ, что намъ читать не стоитъ: «Они — ученики Рѣдкина, атеисты и революціоперы». Рѣдкинъ разсказывалъ мнѣ потомъ, что Орнатскій, товарищъ его по заграничной поѣздкѣ, заѣхалъ къ нему въ это время въ деревню и на вопросы хозяина: «Зачѣмъ ты меня бранишь?» отвѣтилъ: «Что же мнѣ дѣлать, если не бранить тебя». На лекцію Орнатскаго мы иногда заходили для потѣхи; товарищъ мой Барыковъ († въ 1892 году сенаторомъ) въ совершенствѣ представлялъ манеру Орнатскаго. Зная настроеніе Орнатскаго, студенты четвертаго курса рѣшили выразить ему свое неудовольствіе (рѣдко ходя въ университетъ, я узналъ объ этомъ уже послѣ событія). Въ Московскомъ университетѣ аудиторіи расположены въ трехъ этажахъ и раздѣлены на двѣ половины: на одной—математики, на другой—юристы и словесники; въ аудиторіи второго и третьяго этажа въ каждой половинѣ ведетъ лѣстница; съ площадокъ этой лѣстницы входъ въ аудиторію каждаго этажа. Юридическая большая, гдѣ читалъ Орнатскій, и юридическая малая, гдѣ слушалъ лекціи четвертый курсъ, были въ третьемъ этажѣ. Студенты стали на площадкѣ и начали свистать, пока шелъ Орнатскій до своей аудиторіи. На другой день Баршевъ (деканъ) послѣ лекціи, на которой и мнѣ случилось быть, произнесъ увѣщаніе и говорилъ: «Какъ вамъ не стыдно съ гикомъ и крикомъ встрѣчать профессора Орнатскаго». Этимъ дѣло для студентовъ кончилось, а для безопасности Орнатскаго его велѣно было провожать всякій разъ солдату. Ясно, что для студентовъ это было источникомъ новой потѣхи.

Для характеристики времени разскажу еще случай. Въ этомъ году поселился со мною Лохвицкій, у той же хозяйки, гдѣ я жилъ съ Ешевскимъ, а послѣ одинъ. Лохвицкій былъ человѣкъ само-

любивый, чрезвычайно остроумный и находчивый: изъ гимназіи онъ долженъ былъ выйти потому, что обиженный директоромъ (Погорѣльскимъ) ударилъ его по рукѣ. Когда онъ явился экзаменоваться въ университетъ даже годомъ ранѣе, чѣмъ слѣдовало, (было распоряженіе, чтобъ ученики, выходившіе изъ гимназіи, держали экзаменъ въ университетѣ въ одно время со своими товарищами), Строгановъ, который помнилъ его, какъ ученика любимой его третьей гимназіи, сдѣлалъ видъ, что не замѣчаетъ его: черта характеристическая для Строганова! Разъ сидимъ мы дома, приходитъ Ѳеоктистовъ и говоритъ, что ему нужна для визита болѣе приличная треуголка; таковая оказалась у Лохвицкаго, Ѳеоктистовъ взялъ ее. Лохвицкому понадобилось куда-то идти, онъ надѣлъ шляпу Ѳеоктистова и вышелъ на улицу (мы жили по Тверской, на углу Газетнаго переулка). Къ обѣду не возвратился; подъ вечеръ приходитъ ко мнѣ Бѣлюговъ, казенный студентъ, послѣ умершій любимымъ учителемъ въ Кишиневѣ, тогда молодой, бѣлый и розовый. Бѣлюговъ сказалъ мнѣ: «Лохвицкій въ карцерѣ; возьмите съ собой табаку и денегъ и снесите къ нему». Съ Бѣлюговымъ черезъ казенные нумера я прошелъ благополучно въ карцеръ, даже встрѣтилъ по дорогѣ инспектора (тогда Шпейеръ). Лохвицкій просидѣлъ въ карцерѣ болѣе недѣли и едва не былъ исключенъ. Дѣло въ томъ, что его встрѣтилъ субинспекторъ, который, замѣтивъ шляпу, позвалъ къ инспектору; Лохвицкій что-то отвѣтилъ; «Вы еще разговариваете», сказалъ его спутникъ. «Я разговариваю только съ образованными людьми», отвѣчалъ Лохвицкій. За эту-то вину онъ и поплатился карцеромъ; но какая простота при кажущейся строгости! Le bon vieux temps!

Рѣдко ходя на лекціи и не занимаясь совсѣмъ юридическими науками, изъ которыхъ я вынесъ только то, что̀ слышалъ на лекціяхъ, что̀ мнѣ, какъ историку, было достаточно (если бы только я слушалъ государственное право), и въ этотъ годъ, какъ и въ предшествующіе, я много читалъ, особенно въ то время, какъ жилъ съ Ешевскимъ, занимавшимся началомъ среднихъ вѣковъ. Тогда прочелъ Гизо, Тьерри, Форіеля, Леру; послѣ прочелъ

Мишлэ «Исторію» (на сколько тогда вышло) и «Исторію революціи»; прочелъ первый томъ Маколея (по нѣмецки) и Гервинуса о Шекспирѣ. Сверхъ того, неуклонно слѣдилъ за журналами, помѣщавшими постоянно статьи по русской исторіи. Читалъ также диссертаціи (Грановскаго, Кудрявцева, Бабста, Леонтьева), «Пропилеи», «Архивъ» Калачова. Тогда же по запискамъ Кудрявцева, слушавшаго Шеллинга въ Берлинѣ, познакомился я со старою философіей Шеллинга; «Систему трансцендентальнаго идеализма» читалъ я на Выксѣ. Кое-что и другое было прочитано въ это время. За работу я принимался какими-то порывами и ничего не кончалъ: такъ, задумалъ я исторію Новгорода, для этого перечелъ Новгородскія лѣтописи и составилъ къ нимъ систематическій указатель (князь, вѣче и т. д.). Указатель не сохранился, и потому не могу сказать, былъ ли онъ оконченъ; но изложенія я и не начиналъ. Подробно изучилъ я «Сказанія князя Курбскаго» и переписку его, но, не доставъ новой тогда книги: «Князь Курбскій на Литвѣ», охладѣлъ къ этой работѣ. Когда Калачовъ задалъ на золотую медаль тему: «Мѣстное управленіе въ Московскомъ государствѣ», я принялся перебирать акты, но далеко не дошелъ до конца *). Такъ ни одной работы и не было сдѣлано. Послалъ я было литературную рецензію о «Саломеѣ» Вельтмана въ Нижній, но Мельниковъ (редакторъ *Вѣдомостей*) ея не напечаталъ.

У графини Сальясъ я также часто бывалъ въ эту зиму, какъ и въ предыдущую. Я много говорилъ, когда мы были одни; но при людяхъ я болѣе молчалъ и прислушивался; съ Максимовичемъ, котораго въ эту зиму уже не было, я разговаривалъ и спорилъ свободно; помню, разъ онъ былъ пораженъ нашимъ свободомысліемъ и къ ужасу графини сказалъ: «Повѣрите, когда судьба согнетъ васъ въ бараній рогъ». Я повѣрилъ совсѣмъ изъ другихъ

*) Лохвицкій тоже принялся за работу, но охлажденный тѣмъ, что его сочиненіе на тему Морошкина «Объ ущербахъ и убыткахъ» удостоено было не медали, а отзыва, кинулъ работу.

основаній, какъ скажу послѣ. Въ эту зиму помню жаркій споръ съ однимъ свѣтскимъ человѣкомъ (забылъ, кто это былъ) о крѣпостномъ правѣ; я настаивалъ на необходимости уничтоженія его, и такъ горячо, что графиня замѣтила: «Не видитъ, что онъ самъ помѣщикъ». Бывалъ тогда часто у графини Тургеневъ. Съ нимъ я не разговаривалъ, но прислушивался къ нему, а дома у него былъ только разъ. Мы взаимно не нравились другъ другу: Тургеневъ казался мнѣ фатомъ, а я ему—сухимъ педантомъ. Послѣ мы встрѣчались не болѣе двухъ разъ: одинъ разъ у Кожанчикова въ лавкѣ, на капунѣ спора Костомарова съ Погодинымъ; тутъ онъ меня удостоилъ узнать и даже спросить мое мнѣніе; въ другой — у Дудышкина, когда Громека снова познакомилъ насъ [1]); Тургеневъ едва узналъ меня. Видѣлъ его впрочемъ иногда и на публичныхъ чтеніяхъ издали.

Наступила весна, а съ нею и послѣдніе экзамены. И въ прежніе годы мы съ Ѳеоктистовымъ не имѣли всѣхъ лекцій, а на этотъ разъ у насъ почти ничего не было, и намъ пришлось доставать у товарищей. Экзамены сошли благополучно: мы оба вышли кандидатами. Любопытно, что Крыловъ поставилъ мнѣ 5, хотя я отказался отъ билетовъ изъ наслѣдственнаго права, но хорошо отвѣтилъ о patria potestate, а на 3-мъ курсѣ поставилъ 4 за то, что вмѣсто: omnes homines aut liberi sunt, aut servi, я сказалъ: omnis homo aut liber est, aut servus. Наступилъ послѣдній день, когда слѣдовало писать письменный отвѣтъ. Собрали насъ въ большую аудиторію. Профессора сѣли вокругъ стола, вынули каждый билеты и смѣшали ихъ. Студенты выходили, брали билеты, изъ какой попадется науки, и должны были тутъ же писать отвѣтъ. Мнѣ достался вопросъ изъ финансоваго права, въ которомъ я былъ не силенъ, хотя на экзаменѣ по случаю и получилъ 5. Профессора

1) Степанъ Семеновичъ Дудышкинъ, умный критикъ и съ половины пятидесятыхъ годовъ помощникъ А. А. Краевскаго по редакціи *Отечественныхъ Записокъ*; ум. въ 1866 году. — Степанъ Степановичъ Громека, въ 1860—1863 гг. главный сотрудникъ того же журнала по внутреннему отдѣлу; впослѣдствіи былъ губернаторомъ въ Сѣдльцѣ.

ушли, остался субинспекторъ. Я написалъ кое-что, справляясь еще у сосѣда (Лохвицкаго). Подходитъ субинспекторъ, торопитъ; я говорю, что не дописалъ до точки. «Давайте, что̀ есть», сказалъ субинспекторъ,—«кто это будетъ читать?» Я послѣдовалъ благому совѣту. Когда экзамены кончились, я съ графиней Сальясъ и Ѳеоктистовымъ поѣхалъ къ Грановскому, который жилъ въ Архангельскомъ. Мы пріѣхали вечеромъ и почевали. Тутъ былъ Фроловъ, издатель *Магазина землевѣдѣнія* и переводчикъ «Космоса», который считался Катономъ въ кружкѣ, и совѣтамъ котораго всѣ слѣдовали. Это былъ человѣкъ мелкій, скучный неимовѣрно, но выросъ до сильнаго вліянія своею видимою серьезностью. Въ особенности придавала ему значеніе первая его жена, умершая, кажется, въ Германіи. Ее очень уважалъ Грановскій, бюстъ ея былъ у него[1]). Фроловъ былъ описанъ въ одномъ изъ фельетоновъ Панаева. Къ обѣду пріѣхали Панаевъ и Аранетовъ[2]), тоже пустой человѣкъ, хотя и не глупый: онъ въ то время составлялъ статью по Маколею, не называя его: она была запрещена. Пріѣхалъ студентъ 1-го курса Боткинъ (потомъ знаменитый врачъ). Брата его, извѣстнаго своимъ путешествіемъ въ Испаніи, я встрѣчалъ и прежде, и послѣ. Это былъ человѣкъ ума тонкаго, очень образованный, пріятный собесѣдникъ, но капризный и большой эгоистъ. Объ его женитьбѣ много говоритъ Герценъ. Жена его пріѣзжала въ Москву въ 51-мъ году и грозила, если онъ не прибавитъ денегъ, открыть модный магазинъ. «Не довольно мнѣ чайнаго», говорилъ Боткинъ Ѳеоктистову. Этотъ послѣдній разсказывалъ со словъ Боткина, что когда жена пришла къ нему, онъ не сказался дома, но смотря на нее въ щелку, говорилъ: «Кабы не

---

1) Николай Григорьевичъ Фроловъ былъ женатъ въ первомъ бракѣ на Еленѣ Павловнѣ Галаховой; въ концѣ 30-хъ годовъ они жили въ Берлинѣ, гдѣ у нихъ былъ литературный салонъ, и гдѣ съ ними познакомились Грановскій и Н. В. Станкевичъ.

2) Иванъ Ивановичъ Панаевъ, извѣстный беллетристъ и редакторъ *Современника* съ 1847 г.—Аранетовъ, Иванъ Павловичъ, питомецъ Московскаго университета 30-хъ годовъ, потомъ служилъ въ Петербургѣ и въ 40-хъ годахъ былъ сотрудникомъ *Отечественныхъ Записокъ*.

жена!» Таковъ былъ этотъ во всякомъ случаѣ замѣчательный человѣкъ!

Такимъ образомъ распростился я съ университетомъ и вынесъ изъ этого времени много отраднаго. Неприглядна была наша жизнь: денегъ часто не было, да когда и были, мы ихъ не берегли: помню, разъ два мѣсяца я ходилъ въ сапогахъ, на которыхъ почти не было подошвъ; комнаты были довольно грязны; кормили плохо: разъ, по заявленію одного товарища, подали козла; часто ничего нельзя было ѣсть, развѣ дадутъ пирогъ или оладьи; гречневая каша такъ опротивѣла мнѣ, что съ тѣхъ поръ не ѣлъ ея. Конечно, главная причина, что у хозяйки денегъ не было, а жильцы платили неисправно. Бывало, только проснешься, она идетъ уже и проситъ: «Миленькій баринъ, дайте хотя рубль», и не во всякомъ нумерѣ дадутъ ей этотъ рубль. Не смотря на такую «бутковскую жизнь», какъ мы прозвали ее по повѣстямъ Буткова, извѣстнаго тогда описывателя жизни петербургскихъ чиновниковъ [1]), не смотря на все это, намъ жилось весело: университетъ, который все-таки давалъ много, книги, товарищи, знакомые, а главное, лучшая всему приправа—молодость. Помню, разъ сидѣли мы съ Лохвицкимъ на лежанкѣ, единственномъ тепломъ углу, послѣ обѣда, котораго ѣсть было нельзя, мрачные, ибо денегъ ни гроша; вдругъ Лохвицкій говоритъ: «Хорошо бы теперь стаканъ кофе и хорошая сигара». Думая, что онъ шутитъ, я отвѣчалъ съ сердцемъ, а онъ: «У меня кредитъ у Пеэра (кондитеръ), пойдемъ туда». Пошли, оказался и кофе, и сигара, и журналы, а тогда журналы были въ каждой кондитерской. Вотъ какъ мы жили, и было весело! Въ театрѣ я бывалъ очень рѣдко и потому на перечетъ помню, что̀ видѣлъ: видѣлъ «Горе отъ ума» съ Самариным̀ъ—Чацкимъ, Вѣрой Самойловой — Софіей, видѣлъ Фанни Эльслеръ въ «Эсмеральдѣ», слышалъ «Elesir d'amore» съ буфомъ Росси (въ роли Дулькамара), да Маріо въ концертѣ, гдѣ съ нимъ пѣлъ басъ

1) Яковъ Григорьевичъ Бутковъ, беллетристъ 40-хъ годовъ, авторъ «Петербургскихъ Вершинъ» (С.-Пб. 1845—1846) и нѣсколькихъ повѣстей, помѣщенныхъ въ *Отечественныхъ Запискахъ*.

Куровъ. Мы съ Лохвицкимъ были въ райкѣ; ему пришла въ голову забавная мысль вызвать Курова вмѣстѣ съ Маріо; его крикъ подхватили въ райкѣ, и Маріо вывелъ Курова за руку.

Еще передъ экзаменомъ Грановскій рекомендовалъ меня домашнимъ учителемъ въ домъ П. В. Чичерина, старшій сынъ котораго, Борисъ Николаевичъ, кончившій курсъ въ 1849 году, былъ впослѣдствіи профессоромъ, извѣстнымъ писателемъ, а одно время Московскимъ головою. Кончивъ экзамены, я поѣхалъ къ матушкѣ и оттуда, отправляясь къ Чичеринымъ, заѣхалъ на нѣсколько дней на Выксу къ графинѣ Сальясъ и прожилъ тамъ мѣсяцъ. Въ то время на Выксѣ гостилъ Кудрявцевъ; оба мы, плохіе наѣздники, ѣздили верхомъ вдвоемъ и здѣсь бесѣдовали. Вообще мѣсяцъ прошелъ незамѣтно. Въ августѣ я пріѣхалъ въ деревню Чичериныхъ Караулъ (Тамбовской губерніи, Кирсановскаго уѣзда) и прожилъ тамъ два съ половиною года (до половины декабря 1853 года), выѣзжалъ только на Рождество въ Нижній и лѣтомъ 1852 года въ Калужскую губернію, гдѣ жила графиня Сальясъ, у дяди своего Шепелева: она собиралась на годъ въ Крымъ, и я пріѣзжалъ съ нею проститься. Эти годы принадлежатъ къ лучшимъ годамъ моей жизни. Житье въ живописномъ Караулѣ—домъ и садъ на горѣ надъ рѣкою — было хорошо не только лѣтомъ, когда предпринимались увеселительныя поѣздки, сбирались родные и близкіе друзья хозяина (Жемчужниковъ, умный, образованный, но нѣсколько странный, и С. А. Баратынскій, живой, остроумный, хорошій медикъ, но направившій всѣ свои способности на то, чтобы хорошо пожить, сибаритъ, а можетъ быть, и эгоистъ: онъ объѣзжалъ деревню Жемчужникова, когда тотъ былъ боленъ, чтобы не лѣчить),—житье въ Караулѣ хорошо было и зимою, когда тоже кое-кто пріѣзжалъ; но главную прелесть составлялъ хозяинъ. Умъ Николая Васильевича былъ одинъ изъ рѣдкихъ широкихъ умовъ, которому все доступно, и который всегда избѣгаетъ крайностей. «Вы думаете», говорилъ онъ мнѣ объ одномъ хорошо извѣстномъ ему человѣкѣ,—«что онъ уменъ; нѣтъ, онъ не уменъ: умный человѣкъ не можетъ упереться въ

одинъ уголъ, а онъ весь ушелъ въ Гегеля». Образованіе Николай Васильевичъ получилъ обыкновенное, дворянское, но онъ жилъ въ хорошемъ обществѣ: былъ друженъ съ Е. А. Баратынскимъ, М. Г. Павловымъ, Пушкинскимъ другомъ Кривцовымъ [1]), зналъ, кажется, и Пушкина; впослѣдствіи онъ былъ въ близкихъ отношеніяхъ къ Грановскому и Н. Ф. Павлову. Я постоянно совѣтовался съ нимъ, когда думалъ что-нибудь задать дѣтямъ, и показывалъ ему ихъ сочиненія. Вообще разговорамъ съ нимъ я много обязанъ въ своемъ развитіи и храню его портретъ, фотографическую копію съ портрета, рисованною его дочерью (нынѣ Нарышкиной). Жена его Екатерина Борисовна женщина добрая, умная, была безгранично предана мужу, который былъ душею дома, хотя, казалось, ни во что не вмѣшивался, но все направлялъ. Старшій сынъ, какъ и другіе сыновья, пріѣзжалъ лѣтомъ, а разъ провелъ и зиму въ Караулѣ. Здѣсь онъ писалъ свою знаменитую диссертацію, которую я читалъ тогда же въ рукописи. Онъ былъ тогда вполнѣ гегелистъ, да и послѣ немногое уступилъ: такъ, въ 1855 году показывалъ онъ мнѣ свою статью, въ которой развиты были почти всѣ главныя основы его «Науки и религіи» [2]). Правда, что религіи онъ тогда еще придавалъ мало значенія; правда, что то, что̀, по Гегелю, онъ считалъ тогда моментомъ, позднѣе явилось элементомъ,— но схема исторій была та же самая. Онъ далъ мнѣ «Логику» Гегеля (I-й томъ «Энциклопедіи»), и я полгода изучалъ его, дѣлалъ конспектъ, который не сохранился.

При строгомъ распредѣленіи занятій, мнѣ оставалось много времени на чтеніе, и я прочелъ переписку Мирабо и графа

---

1) Николай Ивановичъ Кривцовъ былъ извѣстенъ своимъ умомъ, и образованностью; началъ службу въ гвардіи, участвовалъ въ войнахъ 1812—1813 гг., потомъ служилъ по дипломатической части и нѣкоторое время былъ губернаторомъ въ Тулѣ и Воронежѣ; см. воспоминанія о немъ Б. Н. Чичерина въ *Русскомъ Архивѣ* 1890 г., т. I.

2) Сочиненіе Б. Н. Чичерина подъ этимъ заглавіемъ вышло въ Москвѣ въ 1879 году.

Ламарка [1]), записки Мирабо, «Исторію революціи» Тьера; началъ учиться по англійски (у гувернантки миссъ Лайсисъ) и могъ уже читать Вальтера Скотта, хотя никогда не выучился произношенію; читалъ много по французски: прочелъ чуть не всего Бальзака, который навелъ на меня сильную тоску, но въ которомъ я нашелъ много поучительнаго, ибо Достоевскій правъ въ своемъ предпочтеніи Бальзаку; для Достоевскаго внѣшняя растянутость Бальзака еще не бѣда, не бѣда и цинизмъ. Тогда же я началъ изучать Сумарокова (въ то время такъ много занимались русскою литературой XVIII вѣка) и готовилъ о немъ большой этюдъ; выходъ книги Булича [2]) заставилъ меня ограничиться критическою о немъ статьей (*Московскія Вѣдомости* 1854 года). Сумароковъ заставилъ меня прочесть французскихъ трагиковъ (Корнеля, Расина, Вольтера); прочелъ тогда же Мольера, прочелъ Лагарпа, «Эмиля» Ж.-Ж. Руссо («Confessions» я читалъ еще прежде, а «Элоизу» никогда не могъ дочесть), прочелъ «Lundis» Сентъ-Бева, пробовалъ и писать, но потерпѣлъ неудачу: послалъ въ Москву статью объ Авдѣевѣ, но Ал. Дм. Галаховъ сказалъ, что ее не слѣдуетъ печатать, потому что много о немъ писано; статья о романѣ графини Сальясъ «Племянница» не была кончена, какъ и начатая еще въ студенческіе годы на вакаціи статья о Нарѣжномъ. Учить мнѣ пришлось двухъ меньшихъ сыновей; ихъ готовили въ университетъ; я училъ всему, кромѣ новыхъ языковъ (для нихъ были особые учителя), греческаго языка (ему училъ французъ Томъ, тотъ самый, который, проживъ 15 лѣтъ въ Россіи, не зналъ что̀ такое два съ полтиной, о чемъ я упомянулъ въ своей «Исторіи» [3]), и геометріи (училъ тотъ же Томъ, а послѣ алгебру

---

1) Correspondance du comte de Mirabeau avec le comte de La Mark. Trois volumes. Paris. 1851.

2) Сумароковъ и современная ему критика. С.-Пб. 1854.

3) Вотъ что̀ разсказываетъ Бестужевъ объ этомъ французѣ въ своей «Русской исторіи» (введеніе, глава о сказаніяхъ иностранцевъ, стр. 168): «Иностранцы трудно изучаютъ русскій языкъ; у меня былъ пріятель французъ, который, проживши 15 лѣтъ въ Россіи, говорилъ мнѣ: «Qu'est-ce que ça veut dire: dva

и геометрію взялъ на себя Вязовой, воспитанникъ сестры Николая Васильевича). Русскій языкъ я преподавалъ по грамматикѣ Смирнова [1]) и постоянно читалъ авторовъ, словесность — по рукописнымъ запискамъ Авилова [2]), составленнымъ для старшихъ братьевъ, исторію — по Лоренцу, добавляя для древней кое-что изъ другихъ; иногда, когда было не лѣнь переглядѣть Шлоссера, разсказывалъ по его книгѣ; русскую исторію составлялъ самъ по вышеднимъ двумъ томамъ Соловьева и по Карамзину; дошли мы до переѣзда до Іоанна III; исторію русской литературы преподавалъ по Зеленецкому [3]), дополняя кое-что (помню, что писалъ о Лермонтовѣ); читали мы и иностранную литературу: Гомера въ переводѣ Дасье (Гнѣдича у меня украли еще въ студенческіе годы), а Шекспирова «Лира» въ какомъ-то французскомъ переводѣ, «Донъ-Карлоса» по нѣмецки. Изъ сочиненій моихъ учениковъ помню сравненіе путешествія Карамзина съ Фонвизинскимъ, а также пересказы біографій Плутарха. Помню, что, думая задать «Алкивіада», я перечелъ и смутился, но вспомнивъ, что самъ читалъ въ дѣтствѣ и ничего зазорнаго не понялъ, задалъ и не ошибся: на эти зазорныя мѣста мой ученикъ не обратилъ вниманія. Готовилъ я еще одного изъ среднихъ Чичериныхъ, Аркадія, къ экзамену на юнкера; занимался онъ плохо и если выдержалъ экзаменъ, то по просьбамъ. Въ концѣ пребыванія въ Караулѣ началъ я занятія съ Александрою Николаевною, которыя продолжались въ Москвѣ даже послѣ того, какъ братья поступили въ университетъ.

Въ декабрѣ 1853 года я уѣхалъ изъ Караула и, пробывъ

---

z poultinoi? Ce maudit poultina m'embrasse». Что если бы онъ оставилъ воспоминанія о пребываніи своемъ въ Россіи?»

1) Учебникъ русскаго языка, *Александра Смирнова*. Москва. 1848.

2) Авиловъ, Владиміръ Васильевичъ, извѣстный въ 40-хъ годахъ московскій преподаватель русскаго языка и словесности, впослѣдствіи служившій по вѣдомству военно-учебныхъ заведеній, авторъ сочиненія: «Объ организмѣ языка» (Москва. 1846).

3) Учебникъ, составленный одесскимъ профессоромъ К. П. Зеленецкимъ и принятый въ то время для преподаванія въ гимназіяхъ.

Рождество у матери, вернулся въ Москву, гдѣ поселился во французскомъ пансіонѣ (въ иностранномъ смыслѣ) швейцарки Лиргро и весело прожилъ годъ между французами. Занятія съ Чичеринымъ возобновились, но я училъ только словесности и русской исторіи (уже по Погодину), а всеобщую исторію взялъ на себя Грановскій, древніе же языки—Пѣховскій [1]). Въ эту зиму я преподавалъ своимъ ученикамъ средневѣковую литературу, забирая книги у Грановскаго и Кудрявцева; читалъ съ ними Данта въ переводѣ Фіорентино [2]). Разъ на урокъ пришелъ Грановскій и остался доволенъ. Случилось комическое событіе: я спросилъ объясненіе какого-то имени; Грановскій, думая, что я самъ не знаю, началъ шептать; тогда я прямо обратился къ С. Н. Чичерину и спросилъ: кто это? Послѣ Грановскій говорилъ, что и у Шевырева они такъ много не узнаютъ. Зима этого года достопамятна пріѣздомъ въ Москву Рашели. Я абонировался въ райкѣ на 12 представленій, изъ которыхъ пропустилъ только одно: давали «Comédienne de Venise» между двумя представленіями «Horace»; мнѣ не хотѣлось портить впечатлѣнія, и я передалъ билетъ своей сосѣдкѣ француженкѣ. Впечатлѣніе, произведенное Рашелью, было громадно, особенно на меня, не видавшаго ни одного великаго актера: величавость, страстность, умѣнье войти въ свою роль до того, что, даже не слышавъ хорошенько, что̀ говорятъ другіе, можно было все понять по ея лицу. Такое умѣнье слушать я послѣ видѣлъ только у одного актера—Сальвини. Прошло много лѣтъ, а все будто видишь ее передъ собою, будто слышишь воззваніе Федры къ Фебу или проклятіе на Эпону: «Detéstables flatteurs, présent le plus funeste!» Будто слышишь проклятіе Камиллы, которое — кстати — Рашель произносила неодинаково: то начинала шепотомъ и оканчивала громомъ, то на оборотъ. Слу-

1) Осипъ Ивановичъ, профессоръ латинскаго языка сперва въ Московскомъ, а послѣ въ Харьковскомъ университетѣ, авторъ диссертаціи на степень доктора «De ironia Iliadis» (М. 1856), о которой Бестужевъ вспоминалъ всегда со смѣхомъ.

2) La Divine Comédie de Dante. Traduction nouvelle par *P.-A. Fiorentino*. Trois volumes. Paris. 1852—1858.

чилось мнѣ разъ видѣть Ст—ову, съ ея манерами изъ цирюльни, въ роли Маріи Стюартъ, и вдругъ встала передо мною Рашель въ сценѣ съ Елизаветою:

Si le ciel était juste, indigne souveraine,
Vous serez à mes pieds, car je suis votre reine!

Какимъ младенчествомъ показалась мнѣ попытка сыграть эту роль, зная только репертуаръ Островскаго! Часто собирались у графини Сальясъ потолковать о Рашели; всѣ были въ восторгѣ, а Кудрявцевъ писалъ о ней статьи, кажется, въ *Московскія Вѣдомости*.

Разъ съ графиней и Кудрявцевымъ былъ я на первомъ представленіи: «Бѣдность не порокъ». Кудрявцевъ былъ въ негодованіи: «Это балаганъ!» сказалъ онъ. Въ *Отечественныхъ Запискахъ* появлялись безъ подписи его статьи противъ Островскаго; за то *Москвитянинъ*, поклонявшійся Островскому, громилъ Рашель въ стихахъ Аполлона Григорьева. Старый классикъ, сотрудникъ еще *Вѣстника Европы* и критикъ «Горя отъ ума» и «Бахчисарайскаго Фонтана», М. А. Дмитріевъ написалъ стихи на Григорьева, явясь на защиту и Рашели, и классической трагедіи:

Вы говорите, мой любезный,
Что будто стихъ у васъ желѣзный;
Желѣзо разное, цѣна
Ему далеко не одна:
Иное на рессоры годно,
Другое въ ружьяхъ превосходно,
Иное годно для подковъ,
Для лошадей и дляословъ,
Чтобъ и они не спотыкались,—
Такъ вы которымъ подковались?

Еще болѣе важною заботою была война, свирѣпость которой начала чувствоваться съ весны 1854 года, съ бомбардированія

Одессы. Война раздѣлила въ эту зиму, а особенно въ слѣдующую, севастопольскую, общество на двѣ части: въ кругѣ литературномъ большинство смотрѣло на наши неудачи, какъ на зарю обновленія: взглядъ, который господствовалъ и въ 60-хъ годахъ. Помню, разъ былъ я у Кудрявцева, пришелъ Катковъ (тогда редакторъ *Московскихъ Вѣдомостей*) и принесъ только что появившіяся газеты иностранныя, гдѣ напечатанъ былъ извѣстный разговоръ императора Николая съ лордомъ Сеймуромъ. Это обнародованіе казалось всѣмъ полезнымъ обнаруженіемъ воинственныхъ замысловъ. Сколько тогда толковали и объ этихъ замыслахъ, и о политическомъ равновѣсіи! Когда, бывало, говоришь, что это равновѣсіе — нелѣпость, никто и слышать не хочетъ. Соловьевъ и Грановскій (на сколько я слыхалъ послѣдняго) съ горемъ говорили о нашихъ неудачахъ. Меня за то, что я горевалъ, прозвали юнкеромъ. Вообще было тяжело. Здѣсь я помѣстилъ все это, хотя оно относится болѣе къ слѣдующей зимѣ. Въ эту зиму напечатана была въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* моя статья о книгѣ Булича; на нее обратили вниманіе: В. П. Гаевскій не только цитовалъ ее, но еще хвалилъ Каткову (она была напечатана въ его отсутствіе). Весной пріѣхалъ Ешевскій изъ Одессы, гдѣ былъ профессоромъ русской исторіи. Онъ заявилъ мнѣ, что не намѣренъ возвращаться, и совѣтовалъ держать экзаменъ на кандидата словеснаго факультета, чтобы занять это мѣсто *). Я получилъ позволеніе держать экзаменъ въ теченіе года, что̀ тогда водилось. Скажу кстати здѣсь объ этомъ экзаменѣ: онъ сошелъ благополучно изъ всѣхъ предметовъ, даже у Менщикова [1]), хотя я былъ и мало подготовленъ, но помогъ Леонтьевъ. У Бодянскаго я экзаменовался три раза при трехъ

*) Раньше Ешевскій и Лохвицкій звали меня въ Одессу на каѳедру полицейскаго права, но я отказался; во время моего экзамена Леонтьевъ указывалъ мнѣ на возможность занять въ Московскомъ университетѣ каѳедру педагогіи (Шевыревъ уже вышелъ); я тогда ничего не отвѣтилъ, но конечно, послѣ отклонилъ бы.

1) Менщиковъ, Арсеній Ивановичъ, профессоръ греческаго языка и литературы въ Московскомъ университетѣ.

деканахъ (Шевыревъ, Грановскій, Соловьевъ) и потерпѣлъ неудачу: въ первый разъ онъ нашелъ, что я плохо произношу по польски, во второй разъ потребовалъ за три года свою сравнительную грамматику, которой я не зналъ и знать не могъ, ибо онъ читалъ ее много лѣтъ небольшими отрывками, а студенты, не дорожа этими клочками, рвали ихъ. Я пошелъ къ Буслаеву, взялъ у него нѣсколько грамматикъ славянскихъ нарѣчій, изучилъ ихъ и тогда пошелъ къ Бодянскому, сказалъ ему, что̀ я знаю; онъ отвѣтилъ: «Приходите». Я пришелъ, нашелъ билеты изъ его грамматики, не могъ отвѣчать и провалился. Бодянскій сказалъ: «Это предѣлъ, его же не прейдеши». Когда въ 1868 году повезъ я къ членамъ археографической коммисіи мою книгу о составѣ лѣтописи, очень хотѣлось мнѣ написать на экземплярѣ Бодянскаго: «Предѣлъ перейденъ», но я удержался; быть можетъ, я и сказалъ бы ему это устно, если бы засталъ его, но его не было дома. Въ запискахъ Бодянскаго (въ *Сборникѣ Общества любителей россійской словесности*) этотъ эпизодъ разсказанъ съ его точки зрѣнія [1]).

---

1) Вотъ что̀ записано въ дневникѣ О. М. Бодянскаго подъ 5-мъ ноября 1855 года, послѣ разсказа о смерти и похоронахъ Т. Н. Грановскаго: «Покойникъ былъ нашимъ факультетомъ избранъ весной въ деканы, но только разъ подписался деканомъ на повѣсткѣ къ засѣданію факультета 20-го сентября по случаю испытанія кандидата юридическаго факультета N на степень кандидата нашего факультета, — который однако провалился у меня окончательно, окончательно потому, что раньше, въ маѣ, уже провалился. Нельзя было помочь горю, какъ ни просилъ онъ и другіе товарищи, тѣмъ болѣе, что испытывавшійся желалъ послѣ держать экзаменъ на магистра русской исторіи. «Хорошъ будетъ магистръ русской исторіи, который ничесоже не вѣсть въ славянскомъ мірѣ», сказалъ я тогда всѣмъ. И однако же, когда я прискакалъ ... къ мертвому (Грановскому), уже нашелся человѣкъ, что̀, отведши меня въ другую комнату, сталъ упрашивать меня пропустить N, хоть изъ-за памяти къ покойному, который самъ собирался просить меня о томъ; но я отказался это сдѣлать, сказавъ, что на добро всегда готовъ, будетъ ли то на пиру или у гроба, что въ этомъ случаѣ не вижу ничего добраго: «Мы уронимъ факультетъ и самый университетъ, допуская подобныя продѣлки» (*Сборникъ Общества россійской словесности на 1891 годъ*, стр. 135 и 136). Прочитавъ эти строки и сравнивъ ихъ съ разсказомъ Константина Николаевича, должно признать, что Бодянскій представляетъ свое столкновеніе съ Бестужевымъ не только со своей точки зрѣнія, но и просто въ ложномъ свѣтѣ.

Лѣтомъ Чичерины поступили въ университетъ, а я поѣхалъ въ Нижній. Возвратясь осенью, получилъ мѣсто учителя въ двухъ корпусахъ — 3-мъ и 1-мъ, въ одномъ на мѣсто А. И. Георгіевскаго, уѣхавшаго профессоромъ въ Одессу, а въ другомъ — на мѣсто Медовикова[1]), назначеннаго въ Дерптъ.... Мнѣ случилось преподавать древнюю исторію въ 1-мъ классѣ по учебнику Георгіевскаго: онъ былъ цвѣтистъ и мало приспособленъ для дѣтей. Директоръ генералъ Гресперъ посѣщалъ часто уроки Георгіевскаго и выносилъ изъ нихъ страшную путаницу. На моемъ экзаменѣ мальчикъ не могъ ничего сказать объ оракулахъ; Гресперъ вздумалъ научить его и сказалъ: «Пиоія — деревянное изображеніе птицы, издающее неясные звуки, а жрецы ихъ толкуютъ». Птицы порождены додонскими голубями, а неясные звуки идутъ отъ Пиоіи; соединеніе птицы съ неяснымъ звуками породило представленіе о деревянномъ изображеніи. Позднѣе, когда Ешевскій училъ въ корпусѣ, Гресперъ разъ спросилъ учениковъ: «Есть ли теперь феодалы?» и на молчаніе учениковъ сказалъ: «Конечно, есть, я самъ феодалъ». Онъ смѣшалъ помѣщика съ феодаломъ. Директоръ другого корпуса Лермонтовъ никакъ не могъ понять, что̀ дѣлаетъ въ классѣ Н. П. Некрасовъ (нынѣ инспекторъ Историко-филологическаго института) съ Остромировымъ Евангеліемъ, и когда Некрасовъ объяснялъ, что онъ разбираетъ его въ грамматическомъ отношеніи, Лермонтовъ упорно повторялъ: «Въ чемъ же урокъ?» Впрочемъ вообще тогдашніе корпуса были не такъ дурны, какъ увѣряли впослѣдствіи; правда, что дисциплина была строга и даже по духу времени сурова; но учителей старались брать хорошихъ (иногда учили даже профессора: Соловьевъ, Капустинъ). Одинъ изъ бывшихъ учениковъ 3-го корпуса, послѣ занимавшій мѣсто воспитателя въ Пажескомъ корпусѣ, говорилъ мнѣ въ 60-хъ годахъ: «Въ наше время были хорошіе и плохіе

1) Медовиковъ, Петръ Ефимовичъ, воспитанникъ Московскаго университета, авторъ сочиненій: «Латинскіе императоры въ Константинополѣ», «Объ историческомъ значеніи царствованія Алексѣя Михайловича» и др.; ум. въ 1855 году.

ученики, а теперь все посредственные». Это дѣйствія новой педагогіи! Когда я говорилъ объ этомъ вредномъ вліяніи педагогіи Е. Д. Милютиной въ Ливадіи въ 1873 году, она вѣрить не хотѣла. Тогда въ корпусахъ (Московскихъ и Петербургскихъ) были спеціальные классы (= военныя училища), и въ третьемъ изъ этихъ классовъ много работали: Ешевскому, когда онъ съ 1857 года училъ въ корпусѣ, писали сочиненія по «Полному Собранію Законовъ». Вновь поступающій учитель долженъ былъ ѣхать въ Петербургъ, какъ тогда говорили, читать пробную лекцію; долженъ былъ ѣхать и я. Мнѣ прислали три темы: греческія колоніи (для чего пришлось прочесть Грота и Рауля Рашетта), отношенія Турціи къ Венгріи (читалъ Майлата «Исторію Венгріи и Австріи») и нападеніе татаръ на Россію (перебиралъ лѣтописи). Въ декабрѣ поѣхалъ. Чтеніе происходило въ зданіи Главнаго штаба военно-учебныхъ заведеній; въ залѣ собралось множество неизвѣстныхъ мнѣ лицъ, все учителя и инспектора; меня посадили на каоедру; имъ давали чай, — мнѣ не дали. Чтеніе сошло благополучно, хотя я спуталъ нѣсколько венгерскіе трактаты и спутался въ татарской генеалогіи (и до сихъ поръ ея не знаю). Поразило также слушателей выраженіе: «аонская имперія», заимствованное отъ Грота. Бывъ въ первый разъ въ Петербургѣ, я многое видѣлъ: съ С. В. Кобылиной съ ея знакомыми осмотрѣлъ Эрмитажъ и Зимній дворецъ, видѣлъ домикъ Петра Великаго.

Уѣхавъ на Рождество въ Нижній, въ январѣ я воротился женатымъ на Е. В. Ешевской, сестрѣ моего товарища. Такъ какъ я опоздалъ на двѣ недѣли, то въ 3-мъ корпусѣ у меня вычли изъ жалованья, а въ 1-мъ я потерялъ мѣсто, которое снова получилъ только осенью 1855 года, то-есть, у меня остались только уроки въ корпусѣ, въ пансіонѣ г-жи Бронъ, у Чичериныхъ (дочери), да у сына Н. Ф. Павлова, тогда бойкаго мальчика съ блестящею памятью, но лѣниваго и беззаботнаго. Этимъ онъ впослѣдствіи испортилъ свою жизнь: журнальныя предпріятія ему не удавались; не удалась и семейная жизнь: разставшись съ женою, онъ жилъ съ простою дѣвушкой, необразо-

ванною, отъ которой у него были дѣти. Хорошій учитель, ибо былъ уменъ, образованъ, зналъ хорошо языки и литературы, особенно древніе, онъ какъ-то не устроился. Умеръ онъ молодъ. Въ то же время получилъ я уроки у Перфильевыхъ, дяди моей жены; но все-таки денегъ было мало, и жизнь на квартирѣ весьма скромной была тяжела. 18-го февраля 1855 года скончался государь Николай Павловичъ. Царствованіе его, особенно послѣ 1848 года, было слишкомъ тяжело для людей интелигентныхъ: стѣсненія печати, стѣсненія университетовъ, произволъ администраціи всѣхъ огорчали. Въ послѣднее время даже въ Москвѣ, сходясь, говорили только въ тѣсномъ кружкѣ, а то играли въ карты. Начало новаго правленія, при извѣстномъ всѣмъ благодушіи юнаго государя, произвело общій восторгъ: мы съ Ешевскимъ обнялись при первой вѣсти. Зимой Ешевскій защитилъ диссертацію на магистра и скоро былъ назначенъ профессоромъ въ Казань на мѣсто Иванова. Лѣто провели мы съ женою въ отцовской деревнѣ, но съ характеромъ матушки было трудно ладить новому человѣку; потому мы вмѣстѣ больше не ѣздили, а одному мнѣ было трудно ѣхать по недостатку денегъ; оттого я до 1868 года не былъ въ Нижнемъ, но матушка иногда пріѣзжала въ Москву.

Осенью скончался Грановскій (октября 4-го), а Катковъ, оставивъ редакцію *Вѣдомостей*, основалъ *Русскій Вѣстникъ*. Редакторомъ *Вѣдомостей* сдѣланъ былъ Коршъ[1]), а я съ начала 1856 года его помощникомъ, при чемъ оставилъ немедленно 3-й корпусъ, а въ первомъ долженъ былъ докончить годъ (то-есть, до іюня). Въ редакціи я оставался до октября 1859 года и въ августѣ 1856 переѣхалъ въ домъ типографіи. Въ августѣ была коронація; я видѣлъ только въѣздъ; хотя въ Кремль былъ у меня билетъ, но я не пошелъ потому, что для матушки и сестеръ билета не достали. Первые года (до 1859 года) газета выходила три раза въ недѣлю

1) Валентинъ Ѳедоровичъ, впослѣдствіи редакторъ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостей*.

тетрадями въ три листа (листъ офиціальный, листъ политическихъ извѣстій и листъ литературнаго отдѣла); на канунѣ выхода Коршъ, я и корректоръ Проташинскій (начавшій свою дѣятельность еще въ *Телеграфѣ*, потомъ участвовавшій въ *Телескопѣ* и написавшій поэму «Двѣнадцать спящихъ будочниковъ», возбудившую противъ себя гоненіе: ему запретили писать стихи, какъ онъ говорилъ) садились переводить газетныя извѣстія, за что̀ я и Проташинскій получали по 50 к. за столбецъ*). Собственно мы обязаны были только перепечатывать; но такъ какъ цензура смотрѣла только литературный отдѣлъ, то мы и переводили политическія извѣстія изъ иностранныхъ газетъ; телеграммъ тогда еще не было, а потомъ мы перепечатывали ихъ изъ Петербургскихъ газетъ. Помню, разъ, когда я былъ за Корша (въ 1858 г.), напечатали мы только одну телеграмму, и то пустую; графъ А. С. Уваровъ (тогдашній помощникъ попечителя), говоря со мною, изъявилъ неудовольствіе, что пустяки печатаются, на что̀ я сказалъ ему, что мы только и нашли въ Петербургскихъ газетахъ, а публика обидѣлась бы, если бы не было телеграммъ. Въ началѣ Катковскаго редакторства вся газета составлялась безъ цензуры подъ отвѣтственностью редактора, какъ изданіе университетское; но случилась исторія съ статьей Тургенева о смерти Гоголя. Ея не пропустилъ въ Петербургѣ Мусинъ-Пушкинъ (тогда попечитель былъ предсѣдателемъ цензурнаго комитета); Ѳеоктистовъ и Боткинъ передали ее Каткову. Катковъ доложилъ изъ осторожности Назимову, который сказалъ: «Пушкинъ не пропустилъ, такъ я пропущу». Въ статьѣ было только сказано, что Гоголь—великій писатель; Пушкинъ, находя, что онъ писатель «лакейскій» не позволилъ статьи. Началась буря, Назимовъ отрекся, его какъ-то выгородилъ Катковъ, а Ѳеоктистовъ и Боткинъ отданы подъ надзоръ полиціи, Ѳеоктистовъ—съ обязанностью поступить на службу. Говорятъ, Боткинъ

*) За переводъ въ литературномъ отдѣлѣ по 1 р. за столбецъ, за оригинальную статью по 3 р. за столбецъ; иначе было нельзя: на сотрудниковъ назначено было въ годъ 500 р.; сверхъ того, я получалъ жалованья 450 р. и квартиру.

былъ въ отчаяніи, думая, что ему грозитъ Сибирь, легъ на диванъ и все причитывалъ: это было у графини Сальясъ къ великой потѣхѣ Кудрявцева. Съ тѣхъ поръ литературный отдѣлъ отданъ былъ подъ цензуру. Теперь трудно себѣ представить, что̀ такое была тогдашняя цензура. Напримѣръ, *Московскимъ Вѣдомостямъ* запрещено было перепечатывать изъ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ* статьи о лифляндскихъ крестьянахъ, ибо тогда уже начались толки объ освобожденіи крестьянъ; едва не запретили статьи о Брукѣ (австрійскомъ министрѣ) изъ *Экономическаго Указателя* Вернадскаго, ибо цензору показалась она пародіей на Брока (тогдашній русскій министръ); статья о Францискѣ Ассизскомъ была запрещена, потому что въ ней разсказывались католическія легенды. Тѣмъ не менѣе цензура все-таки смягчилась, а то въ послѣдніе годы Николая запрещены были статьи о бѣдствіяхъ: пожарахъ и т. п. (ихъ нельзя было перепечатать изъ *Журнала Министерства Внутреннихъ Дѣлъ*), запрещены были статьи о печальныхъ эпохахъ (Смутное время, Пугачевщина); изъ моей статьи о Сумароковѣ цензоръ выкинулъ отрывокъ изъ басни Сумарокова объ инвалидѣ, собиравшемъ милостыню, говоря, что въ Россіи такой случай никогда не былъ возможенъ; цензоръ былъ Снегиревъ, писатель и бывшій профессоръ. Всего же произвольнѣе были спеціальныя цензуры (военная, театральная и т. д.). Вотъ одинъ случай произвола. Въ коронацію пріѣхала въ Москву танцовщица Богданова, тогда знаменитая. Коршъ хотѣлъ напечатать о ней статью; статью послали къ Гедеонову [2]), директору театровъ (это отецъ того, который писалъ о варяжскомъ вопросѣ и тоже былъ директоромъ театровъ). Коршъ поручилъ мнѣ съѣздить къ Гедеонову и узнать судьбу статьи. Я поѣхалъ, конечно, въ вицмундирѣ. Гедеоновъ принялъ меня надменно и объявилъ, что статью печатать нельзя, ибо она обидитъ французскаго посланника. Какое дѣло до этого французскому посланнику, я такъ и не узналъ. Знаменитая рѣчь Н. Ф. Павлова на обѣдѣ литера-

1) Александръ Михайловичъ.

торовъ, бывшемъ въ августѣ 1856 года, рѣчь, въ которой, хваля начало новаго царствованія, онъ сказалъ: «Новымъ духомъ вѣетъ, новое время настало», не могла быть напечатана.

Въ редакціи мнѣ было не особенно хорошо: Коршъ вообразилъ себя начальникомъ и обращался со мною неровно — то по пріятельски, то свысока, особенно, когда возвращался съ обѣдовъ Солдатенкова или съ вечеровъ Пикулина [1]), гдѣ его часто дразнили тѣмъ или другимъ, что было напечатано. Хотя я давалъ уроки у Солдатенкова, и потому бывалъ иногда на этихъ обѣдахъ, но общество, въ которомъ преобладали Кетчеры, меня чуждалось: я какъ-то не былъ для нихъ своимъ. Въ этомъ обществѣ привыкли ко взаимнымъ восхваленіямъ или взаимнымъ поддразниваніямъ, — я же ни въ комъ не заискивалъ. Мое положеніе стало еще хуже, когда Е. Коршъ, участвовавшій до сихъ поръ въ *Русскомъ Вѣстникѣ*, разошелся съ нимъ частью по своимъ финансовымъ счетамъ, частью принципіально: тогда Чичеринъ началъ споръ съ *Русскимъ Вѣстникомъ* о централизаціи. *Русскій Вѣстникъ* былъ противъ административной централизаціи. Можно ли повѣрить этому, вспоминая статью *Московскихъ Вѣдомостей* о томъ, что правительство должно опираться само на себя? Е. Ѳ. Коршъ основалъ *Атеней* (въ 1858 году): я въ немъ не участвовалъ, потому что не желалъ, отдавая статьи, подвергать ихъ сужденію и отверженію; довольно того, что В. Ѳ. Коршъ умствовалъ надъ моими статьями, благо мнѣ некуда было дѣваться; впрочемъ онъ болѣе нападалъ на переводы и бѣсилъ меня тѣмъ, что считалъ свой безцвѣтный и гладкій слогъ лучше моего. Статей въ тогдашнемъ моемъ направленіи (близкомъ къ *Русскому Вѣстнику*) я не помѣщалъ въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, но, не разрывая съ редакціей *Русскаго Вѣстника*, я и у нихъ статей не помѣщалъ: они имѣли привычку передѣлывать статьи, что я испыталъ еще въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* на моей статьѣ

1) Павелъ Лукичъ (род. въ 1822 г., ум. въ 1885), докторъ медицины и нѣкоторое время профессоръ въ Московскомъ университетѣ.

о Пушкинѣ. Положимъ, что выкинуты были изъ нея неосновательныя сужденія объ искусствѣ для искусства: я тогда стоялъ за тенденціозность; но тогда это было обидно. В. Коршъ идей не трогалъ, а только заботился о слогѣ: и то было досадно, но меньше; къ тому же статей, въ которыхъ мы могли бы сильно разойтись, какъ я уже говорилъ, въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* я не давалъ.

Лѣто 1857 года прожилъ я въ Архангельскомъ, пріѣзжая въ Москву только два раза въ недѣлю. Я жилъ на одной дачѣ съ Касаткинымъ [1]), впослѣдствіи эмигрантомъ. Это былъ человѣкъ не глупый, но весьма легкомысленный. У него была большая библіотека, преимущественно запрещенныхъ книгъ; здѣсь я прочелъ *Полярную Звѣзду* и *Колоколъ*, тогда начавшій выходить. Зимою Касаткинъ вмѣстѣ съ другими (Забѣлинъ, Мессингъ и т. д.) составилъ общество для изданія переводныхъ книгъ; издали только Митчеля: «Свѣтила» и Сырокомли: «Исторія польской литературы». Мнѣ порученъ былъ переводъ какого-то англійскаго изложенія Бэкона. Я кончилъ переводъ, но онъ напечатанъ не былъ: нашли его неточнымъ. Въ то же время я кончилъ переводъ «Исторіи провансальской литературы» Форіеля, заказанный А. В. Станкевичемъ, и этотъ переводъ не былъ напечатанъ (Станкевичъ обидѣлся за что-то на Леонтьева, который издавалъ Моммсена въ переводѣ С. П. Шестакова, остановилъ продажу этого перевода и прекратилъ свое предпріятіе). Деньги впрочемъ я получилъ. Зимою въ купеческомъ клубѣ устроенъ былъ обѣдъ въ честь первыхъ рескриптовъ объ улучшеніи участи крестьянъ, какъ тогда говорили. Простудясь на этомъ обѣдѣ, я слегъ: у меня открылась febris perniciosa; лѣчилъ меня Розенблатъ [2]), съ которымъ мы съ тѣхъ поръ и подружились. Это былъ еврей весьма умный и либеральный. Большія дарованія обратили на него вниманіе факультета: въ 60-хъ годахъ онъ былъ посланъ за границу, но работы надъ микроскопомъ повредили его зрѣніе; ему грозила опасность

1) Василій Ивановичъ.

2) Яковъ Абрамовичъ; ум. въ 1865 году.

ослѣпнуть; вдругъ онъ умеръ, говорятъ, отравился. Во время моей болѣзни умеръ Кудрявцевъ *). Я тогда уже поправлялся, но меня не пустили на похороны; не смотря на то, что пріятель мой Пановъ настаивалъ на необходимости ѣхать, разубѣдилъ меня Ѳ. М. Дмитріевъ (нынѣ сенаторъ[1]). Пановъ былъ человѣкъ весьма умный, оригинальный, но съ большими странностями, объясняемыми частью болѣзненностью, а частью тѣмъ, что судьба его была тяжела: сынъ соляного пристава, онъ учился только въ уѣздномъ училищѣ; поступилъ на службу, замѣтилъ, что недостатокъ образованія мѣшаетъ ему, сталъ готовиться къ университету одинъ почти безъ помощи и тѣмъ надорвалъ свое здоровье; въ университетѣ онъ бѣдствовалъ, но кончилъ однимъ изъ первыхъ кандидатовъ; послѣ долго не находилъ мѣста, наконецъ пристроился во 2-ю гимназію, хирѣлъ, хирѣлъ и умеръ въ больницѣ. Послѣ него остались статьи въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ* о приказахъ, о кабальныхъ людяхъ и объ «Исторіи» Соловьева (заглавіе я забылъ; это было изложеніе по Соловьеву внутренней исторіи). Когда разъ въ *Газетѣ* Гатцука спутали его съ А. Н. Поповымъ, я послалъ о немъ замѣтку («Запоздалый некрологъ»), но въ печати вмѣсто Панова явился Поповъ[2]); моя поправка, помѣщенная въ другомъ нумерѣ, не поправила дѣла. Много такихъ людей, подававшихъ надежды, гибнетъ отъ тяжелыхъ обстоятельствъ!

Едва я оправился, какъ Коршъ уѣхалъ за границу и оставилъ на меня редакцію. Катковъ и Леонтьевъ говорили всюду, что при мнѣ газета идетъ лучше. Я былъ доволенъ такимъ отзывомъ и сталъ ходить къ Каткову. Помню, разъ за ужиномъ у него Пановскій[3]), извѣстный тогда фельетонистъ, началъ

---

*) Ешевскій, не задолго передъ тѣмъ занявшій каѳедру исторіи, началъ свой курсъ некрологомъ Кудрявцева.

1) Умеръ въ 1882 году.

2) Замѣтка Бестужева объ А. П. Пановѣ явилась въ *Газетѣ* Гатцука за 1877 г., т. III, № 28.

3) Николай Михайловичъ, многолѣтній сотрудникъ *Московскихъ Вѣдомостей* и *Современной Лѣтописи* Каткова; ум. въ 1872 году.

доказывать, что журналисты должны имѣть опредѣленное мнѣніе; Катковъ, опираясь на примѣръ *Times*, доказывалъ, что журналисты должны говорить то, что̀ нужно въ извѣстное время, а послѣдовательность — не его дѣло. Очень характеристично для него! Коршъ, возвратясь, былъ мною недоволенъ: вѣроятно, до него дошли похвалы Каткова, а кромѣ того онъ печаталъ статью Зайковскаго, тогда студента-медика, впослѣдствіи доцента, который, говорятъ, отравился послѣ того, какъ студенты выразили ему свое неудовольствіе [1]). Я напечаталъ на эти статьи возраженія Розенблата и Бабухина (впослѣдствіи извѣстный профессоръ, умеръ въ 1891 году). Коршу по возвращеніи представился случай отомстить: однажды цензоръ выкинулъ у меня статью, замѣнить ее было нечѣмъ; я сталъ перебирать статьи, оставленныя Коршемъ, и нашелъ статью о Зарайскѣ, правленную, какъ мнѣ показалось, Поповымъ (Н. А.); читать мнѣ было некогда, да и корректуру, утомленный, я прочелъ небрежно. Оказались грубыя ошибки. Этимъ воспользовался Калугинъ, чиновникъ Архива Министерства иностранныхъ дѣлъ [2]), прислалъ замѣчанія, и Коршъ напечаталъ ихъ не безъ злорадства. Разскажу здѣсь анекдотъ, свидѣтельствующій, какъ не слѣдуетъ принимать на вѣру офиціальныя показанія: бюджетъ нашъ, какъ уже сказано, былъ малъ: иногда приходилось платить больше, иногда нельзя было не дать впередъ, вслѣдствіе чего въ книгахъ, которыя подавались въ университетъ, мы употребляли разныя хитрости; напримѣръ, получитъ кто-нибудь за переводную статью положенный гонораръ, а распишется въ оригинальной; такимъ образомъ балансъ подводится. Коршъ оставилъ счета порядочно запутанными; мнѣ не разъ приходилось прибѣгать къ такому средству. Однажды я перевелъ статью (кажется, что-то о миѳологіи) изъ *Edinburgh Review* и записалъ ее оригинальною, но такъ какъ я былъ тогда за редактора, то мнѣ неловко было записать на

1) Дмитрій Дмитріевичъ; ум. въ 1867 году.

2) Иванъ Васильевичъ, авторъ нѣсколькихъ статей по русской исторіи; ум. въ 1862 году.

свое имя: записано было на имя Ешевскаго. Когда *Московскія Вѣдомости* перешли къ Каткову, М. П. Щепкинъ, занявшій мое мѣсто, сохранилъ книги у себя, какъ литературный документъ. Ихъ перебиралъ Котляревскій, который упрекалъ меня въ томъ, что въ спискѣ сочиненій Ешевскаго я пропустилъ эту статью. Я разсмѣялся и разсказалъ ему, какъ дѣло было. Коршъ пріѣхалъ только, кажется, въ іюнѣ, и я около пяти мѣсяцевъ велъ дѣло, едва оправясь отъ болѣзни.

Когда Коршъ пріѣхалъ, мы съ женою поѣхали на мѣсяцъ въ подмосковную графа Николая Сергѣевича Толстого. Графа я зналъ давно: еще въ гимназическіе годы я часто бывалъ у него, а онъ бывалъ у насъ; квартира его была подлѣ нашей. Графиня снабжала меня книгами, которыя брала частью у сестры своей, баронессы Дельвигъ, женщины умной, но эксцентрической: она не любила общества женскаго, курила трубку, постоянно сидѣла дома, играла на билліардѣ и ходила въ локонахъ, что̀ было нѣсколько странно въ ея немолодыя лѣта и при необыкновенной толщинѣ. Мужъ ея, извѣстный инженеръ [1]), жилъ тогда въ Нижнемъ: это былъ человѣкъ остроумный, но всегда недовольный. Въ то время онъ строилъ фонтанъ на Благовѣщенской площади; послѣ онъ устраивалъ фонтаны въ Москвѣ, а затѣмъ переселился въ Петербургъ, гдѣ одно время былъ по положенію, если не по имени, товарищемъ министра путей сообщенія. Въ Петербургѣ баронесса не могла пить невскую воду, и ей привозили воду изъ Москвы съ поѣздами желѣзной дороги. Графиня и баронесса были урожденныя Левашевы; въ домѣ ихъ матери нѣкогда сходились интелигентные люди, и обѣ онѣ были очень образованы. Графиню я зналъ ближе: это женщина необыкновенно благосклонная, что̀ придаетъ особую пріятность ея уму и заставляетъ забывать нѣкоторыя невинныя странности. Вообще я рѣдко встрѣчалъ лица, столь же пріятныя, какъ графиня Толстая. Графъ былъ тоже

1) Баронъ Андрей Ивановичъ; ум. въ 1886 году.

человѣкъ оригинальный; въ основѣ его характера лежало увлеченіе: чѣмъ бы онъ не занимался, онъ предавался своему занятію со страстью; ходилъ ли онъ на охоту, строилъ ли мельницы, дѣлалъ ли наливки, онъ только объ этомъ и могъ говорить. Онъ считалъ себя человѣкомъ практическимъ, но окончательно разорилъ имѣніе своей жены: дѣло въ томъ, что по страстности своей природы онъ не могъ быть долго внимателенъ къ одному дѣлу. Въ то время онъ занялся литературой и написалъ свои «Очерки Заволжскаго края». Недостатокъ литературнаго навыка вполнѣ замѣнялся въ этомъ сочиненіи знаніемъ быта, добросовѣстною наблюдательностью и умѣніемъ представить факты въ ихъ настоящемъ видѣ. Когда онъ прочелъ мнѣ кое-что, я пригласилъ на вечеръ Б. Н. Чичерина, Дмитріева и Корша. Онъ намъ прочелъ, и при общемъ одобреніи рѣшено было печатать въ *Московскихъ Вѣдомостяхъ*, гдѣ и появилась первая часть очерковъ, вторая появилась въ *Молвѣ*, газетѣ, издаваемой тогда славянофилами. Оттиски той и другой части появились отдѣльно и обратили на себя вниманіе: ихъ похвалили въ *Современникѣ*. Не много спустя графъ возбудилъ противъ себя всѣхъ, явясь противникомъ освобожденія крестьянъ: благодушный помѣщикъ, онъ на словахъ являлся ярымъ крѣпостникомъ и высказывался въ этомъ духѣ и въ Нижегородскомъ комитетѣ, и въ *Журналѣ для Землевладѣльцевъ*, который издавалъ тогда Желтухинъ[1]), и въ запискахъ, которыя онъ подавалъ въ Петербургѣ. Онъ гремѣлъ рѣчами въ англійскомъ клубѣ и не давалъ никому говорить, вооружая противъ себя тѣхъ, которые сами любили поговорить (напримѣръ, Дмитріевъ, который по той же причинѣ не взлюбилъ и Лохвицкаго). Графа въ то лѣто не было въ деревнѣ; но у графини гостила, кромѣ насъ, баронесса и братъ ихъ Левашевъ съ женою. Валерій Николаевичъ Левашевъ тогда являлся яростнымъ либераломъ: это былъ человѣкъ не глупый, но податливый на вліяніе. Тогда такихъ людей было много. Онъ былъ послѣ мировымъ посредникомъ и—говорятъ—и тутъ пока-

1) Александръ Дмитріевичъ; ум. въ 1865 году.

зывалъ либерализмъ въ ущербъ интересамъ дворянъ. Были такіе посредники тогда, которые уже слишкомъ перегнули дугу. Оно и понятно при общемъ либеральномъ настроеніи. Впрочемъ спѣшу прибавить, что объ этой его сторонѣ я зналъ изъ разсказовъ графа.

Живя въ деревнѣ, я перечитывалъ Щербатова, Карамзина, Полеваго и Соловьева, готовя свою статью: «Современное состояніе русской исторіи какъ науки», назначавшуюся для затѣяннаго журнала: *Московское Обозрѣніе*. Возвратясь въ Москву, я написалъ эту статью. *Московское Обозрѣніе* возникло слѣдующимъ образомъ: какъ-то весною зашли ко мнѣ мой университетскій товарищъ Н. В. Альбертини и офицеръ 3-го корпуса А. И. Лаксъ. Я ихъ обоихъ зналъ давно: Альбертини — человѣкъ посредственный, съ привычкою къ труду, довольно образованный, но лишенный оригинальности и характера, очень самолюбивый и со страстью путаться въ чужія дѣла (умеръ въ 1890 году); Лаксъ былъ человѣкъ довольно добрый, очень ловкій, большой охотникъ до женщинъ, и которому хотѣлось какъ-нибудь пробиться въ люди. Впослѣдствіи онъ былъ жандармскимъ начальникомъ въ разныхъ губерніяхъ, а подъ конецъ своей жизни Томскимъ губернаторомъ. Придя ко мнѣ, они изложили свой планъ: издавать журналъ въ родѣ англійскаго *Атенея*. Я предложилъ имъ планъ *Эдинбургскаго Обозрѣнія:* я тогда былъ въ восторгѣ отъ англійскихъ журналовъ. Планъ понравился, только вмѣсто четырехъ нумеровъ, мы предположили шесть; англійское же обыкновеніе не подписывать статьи мы сохранили, такъ что публика знала только Лакса (одинъ Котляревскій подъ своею статью подписался Sp. asp., то-есть, Spiritus asper). Чтобы заранѣе познакомить публику съ именемъ этого редактора, мы дали ему скомпилировать статью изъ какого-то нѣмецкаго журнала. Составили тогда и редакцію изъ меня, Альбертини [1]), Розенблата и Корсака. А. И. Корсакъ, сынъ

1) Николай Викентьевичъ, впослѣдствіи, съ начала шестидесятыхъ годовъ, сотрудникъ А. А. Краевскаго сперва въ *Отечественныхъ Запискахъ*, а потомъ въ *Голосѣ*.

сосланнаго поляка, родился въ Сибири, учился въ Иркутскѣ вмѣстѣ съ княземъ М. С. Волконскимъ, который впослѣдствіи, когда на него поднялось гоненіе, принялъ его на службу въ правленіе Грязе-Царицынской дороги, широко пользовался его работами, вознаграждалъ его щедро и помогъ ему, когда Корсакъ выбился изъ силъ. Корсакъ въ то время готовился на магистра политической экономіи. Степень онъ получилъ, но мѣста не имѣлъ. Тогда занялся онъ переводами и перевелъ «Географію» Даніеля, прибавивъ главу о Россіи, которую онъ изложилъ исторически, по плану подлинника. Упоминанія о Польшѣ (дѣло было въ 1863 году) вооружило противъ него *Московскія Вѣдомости* (уже Катковскія); онѣ открыли свои столбцы нападеніями на Корсака. Сердиты они на него были ранѣе: въ *Московскомъ Обозрѣніи* была напечатана статья Корсака, въ которой онъ осуждалъ изобрѣтенную *Русскимъ Вѣстникомъ* систему общины. Эта статья была причиною, что редакція *Русскаго Вѣстника* перестала дружески относиться къ *Московскому Обозрѣнію*. Ею-то, вѣроятно, въ значительной степени объясняется и гоненіе за Даніеля *).

Вступая въ редакцію, мы обязали Лакса платить намъ за статьи, а въ случаѣ успѣха дать извѣстный процентъ; въ редакцію Лаксъ не долженъ былъ вступаться. Журнала вышло только два нумера; причина прекращенія была не та, которую указываетъ Алексѣй Николаевичъ Веселовскій [1]), то-есть, Лаксъ не испугался нашихъ воззрѣній, а испугался неуспѣха (было, кажется, двѣсти подписчиковъ), а можетъ быть, отчасти и деньги: чужія, имъ взятыя, не всѣ сохранились, да и издержекъ было много. Въ журналѣ участвовали мы, редакторы (не помню, далъ ли что-нибудь Розенблатъ), К. К. Герцъ, Д. И. Иловайскій, М. Ѳ. Де-Пуле, А. Ѳ. фонъ-Видертъ, Гемеліанъ, Р. Р. Штрандманъ, князь Н. С. На-

*) Бѣдный Корсакъ умеръ въ Крыму (въ 1873 году) отъ чахотки, лѣчиться отъ которой тщетно ѣздилъ въ Бернскій Оберландъ.

1) Въ своихъ воспоминаніяхъ объ А. А. Котляревскомъ.

заровъ, А. Я. Пассоверъ и др. Профессоръ Веселовскій (московскій) находитъ у насъ общее направленіе; я не могу не признаться, что оно было весьма неопредѣленное, какое-то общее либеральное: мы всѣ, то-есть, постоянные сотрудники были очень молоды, мало еще знали, да и общее тогдашнее направленіе было таково же. Съ кружкомъ Котляревскаго, Козлова, Свириденка и др. мы общаго имѣли мало; доказательство, что изъ нихъ только Котляревскій участвовалъ у насъ, да и тотъ не былъ членомъ редакціи. Въ своей статьѣ я выступилъ въ первый разъ нѣсколько рѣзко противъ Соловьева,—дотолѣ (даже еще въ 1858 году) я говорилъ о немъ почтительно. Противъ него я выставилъ главнымъ образомъ то, что онъ стоитъ за Московское государство, то-есть, за административную централизацію, а я тогда былъ особенно противъ нея подъ вліяніемъ разныхъ чтеній, въ особенности статей *Русскаго Вѣстника*, а еще болѣе статьи Кинэ: «Philosophie de l'histoire de France». Моя антипатія къ административной централизаціи шла далеко и доходила почти до федерализма, что̀ впослѣдствіи и выразилось и въ сочувствіи къ статьямъ Костомарова, и въ статьѣ о централизаціи во Франціи. Я тогда не понималъ ни значенія Московскаго государства, ни опасности сильной децентрализаціи въ Россіи, которая повела бы къ сепаратизму польскому, нѣмецкому, грузинскому, армянскому и т. д. Кромѣ того, я упрекалъ Соловьева за то, что онъ не былъ художникъ. Вообще значеніе Соловьева я ясно понялъ позднѣе. Новое направленіе отдалило меня отъ Чичерина, Дмитріева и Соловьева, съ которымъ мы стали лучше въ послѣдніе годы его жизни. Подъ вліяніемъ раздраженія много написалъ я неладнаго (хотя бы статью еще «О профессорахъ»[1]), о чемъ мнѣ стыдно и думать. За то сблизился я съ Буслаевымъ, который впрочемъ видѣлъ въ моихъ статьяхъ только стремленіе къ изученію народности, но которому чуждо было все сколько-нибудь политическое. Костомарову статьи мои тогда нравились, и по переѣздѣ въ Петер-

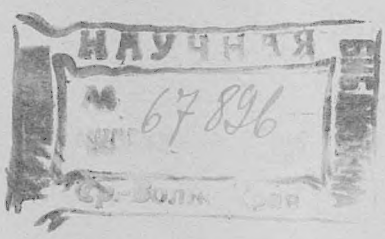
1) «Нѣчто о профессорахъ» въ *Отеч. Запискахъ* 1861 г. № 12, безъ подписи.

бургъ я съ нимъ познакомился. Послѣ узналъ я, что на статью обратили вниманіе (въ Кіевскомъ университетѣ указывали на нее какъ на пособіе для диссертаціи на медаль); она была первою попыткой исторіографіи (прежнія доходили только до Карамзина). Въ журналистикѣ тогда мало обратили вниманія на *Московское Обозрѣніе*, какъ и въ публикѣ. Только П. И. Вейнбергъ (*С.-Петербургскія Вѣдомости*) посмѣялся надъ журналами, умирающими отъ равнодушія публики (выраженіе Е. Ѳ. Корша въ объявленіи о прекращеніи *Атенея*), да А. А. Григорьевъ посвятилъ въ *Русскомъ Словѣ* обстоятельную статью *Московскому Обозрѣнію*, въ которой, отдавая нѣкоторую справедливость редакціи, упрекалъ ее однако въ «кружковомъ іерействѣ». Это выраженіе такъ понравилось И. И. Панаеву, что онъ нѣсколько разъ повторилъ его, проходя въ первое засѣданіе литературнаго фонда мимо меня и Альбертини.

Въ 1859 году *Московскія Вѣдомости* сдѣлались ежедневными, и наше жалованье, а также и деньги на сотрудниковъ, были увеличены; тѣмъ не менѣе усиленная работа, отношенія съ Коршемъ, а также назначеніе Бодянскаго директоромъ типографіи, который желалъ меня заставить дѣйствовать противъ Корша, отчего я, разумѣется, отказался и еще болѣе усилилъ его нерасположеніе, заставили меня принять предложеніе Краевскаго переѣхать въ Петербургъ и участвовать въ *С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ* и *Отечественныхъ Запискахъ*. Отъ первыхъ впрочемъ по пріѣздѣ я скоро отдѣлался. Переѣхали мы въ октябрѣ, а лѣтомъ, живя на дачѣ, я прочелъ Бокля и по тогдашнему своему настроенію плѣнился имъ; впослѣдствіи я его перевелъ и очень въ этомъ каюсь: Бокля безъ сильныхъ и серьезныхъ возраженій нельзя было давать русской публикѣ. Прощаясь съ *Московскими Вѣдомостями*, разскажу характеристическій случай. Инспекторъ Нижегородскаго института Скандовскій, подъ псевдонимомъ Ѳома Красный, написалъ корреспонденцію изъ Нижняго, направленную на губернатора Муравьева [1]) и другихъ лицъ; я кое-что посмягчилъ, тѣмъ

1) Александръ Николаевичъ, бывшій декабристъ.

не менѣе въ Нижнемъ узнали лицъ, и ко мнѣ пріѣхалъ Шрейдеръ, членъ приказа общественнаго призрѣнія, съ предложеніемъ открыть, кто писалъ, и угрозою въ противномъ случаѣ не терпѣть просрочки по заложенному имѣнію. Я, конечно, автора не выдалъ, сказавъ, что я не редакторъ и не знаю автора, а къ тому же по закону редакція должна открывать псевдонимы только цензурѣ. Впрочемъ угроза не была исполнена. Авторъ этотъ скоро оставилъ свою должность, ибо распустилъ черезъ чуръ воспитанниковъ; впослѣдствіи онъ сошелъ съ ума, поправился и умеръ, пользуясь пособіемъ общества для пособія бывшимъ студентамъ Московскаго университета и литературнаго фонда.



ОПЕЧАТКИ.

СТРАНИЦЫ:	СТРОКИ:	НАПЕЧАТАНО:	ДОЛЖНО БЫТЬ:
8	12 снизу	Флигелъ	Флигеля.
10	7 сверху	Бибкина	Бабкина.
»	8 »	1889	1881.
»	10 снизу	*дяди*	*дъда.*
15	20 сверху	Аратовскимъ	Араповскимъ.
18	12, 13 сверху	Аратовскаго	Араповскаго.
31	1 снизу	Леру	Легеру.
39	9 снизу	m'embrasse	m'embarasse.

30к.